

азбука понятий

Иван Курилла

История

История — это прошлое, но это и все существование человечества в его прошлом, настоящем и будущем, история — это простой рассказ о прошлом, но это и изучение прошлой социальной реальности. Есть множество историй, и есть одна большая История. Что объединяет эти определения? Люди говорят об истории, когда хотят понять нечто, происходящее с ними и с обществом во времени. Отношения человека и человечества со временем и будут самым общим определением истории. Однако такое обобщение мало что проясняет и вряд ли кому-то пригодится, а значит, мы остаемся с множеством определений истории, напряжение между которыми дает этому понятию силу постоянно порождать новые смыслы и сохранять свою центральную роль в современной, ориентированной на настоящее, культуре.

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

азбука понятий

и история

Иван Курилла

прошлое в настоящем

Санкт-Петербург 2017

УДК 93
ББК 63
К 93

Утверждено к печати Ученым советом Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Рецензенты: Б. И. Колоницкий (д-р ист. наук), Н. П. Соколов (канд. ист. наук)

Научный редактор серии «Азбука понятий» Дмитрий Калугин

К 93 Курилла И. И.
История, или Прошлое в настоящем / Иван Курилла. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 168 с.: ил. — [Азбука понятий; вып. 5].
ISBN 978-5-94380-236-2

Современный человек приучен мыслить исторически, искать свое место на «оси времени» и отличать сегодняшний день от прошлого и от будущего. Однако так было не всегда, да и по сей день само понятие «история» сохраняет свою неопределенность. Что понимали раньше и что понимают сейчас под этим словом: только лишь прошлое или все время существования человечества? Действия людей в прошлом или наши знания о них? Что такое история — наука, литература, форма общественного сознания, а может быть, просто метод? Существуют ли «законы истории»? Современное общество пытается сделать историю одним из аргументов в борьбе за идентичность или ресурсом, способным обеспечить доход — например, от туризма, одной из разновидностей которого является посещение исторических мест и знакомство с памятниками старины. Какие силы сошлись в борьбе за историю? Что происходит, когда история пересекается с политикой? Обо всем этом пойдет разговор в книге профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге Ивана Куриллы.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется проблемами политики, истории и социальных наук.

УДК 93
ББК 63

- © И. И. Курилла, текст, 2017
- © В. Б. Богорад, иллюстрации, 2017
- © А. Ю. Ходот, оформление, 2017
- © Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2017

ISBN 978-5-94380-236-2

содержание

ВВЕДЕНИЕ	В
1. Исследование с помощью распросов	8
2. Вопросы истории	15
I. КОНТЕКСТЫ	22
1. История и время	22
2. История и прошлое	30
«Разметка» истории	34
Существуют ли «исторические факты»?	38
3. История и память	42
4. История и мораль	48
II. ПРОШЛОЕ ИСТОРИИ	56
1. От античности к Новому времени	58
Истории греческих войн	58
Римские истории республики и империи	61
История как язык описания политики	62
История в Средние века — одно из творений Бога	64
Титаны Возрождения и сомнения в авторитетах	66
Начало Нового времени, эпоха Просвещения	68
2. История как наука: XIX век	75
Историко-критическая школа и позитивизм в истории	75
Философия истории, философы об истории	81
3. История России	86
Начало	86
Профессионализация	91

4. История в XX веке	93
Первые формулы презентизма	93
История — заложница идеологии	97
Школа «Анналов» и новая история	102
Смежные дисциплины и историческая наука в XX веке	105
 III. НАСТОЯЩЕЕ ИСТОРИИ	114
1. История в современном обществе	118
Исчезновение дистанции между сегодня и вчера	118
2. Кто владеет историей?	122
Бизнес?	122
Государство?	123
Политики?	124
Мемориальные законы	128
Исторический ландшафт современной России	132
Оспариваемая память	133
3. Современная историческая наука	135
Множественность субъектов («История в осколках»)	135
Исторические источники	140
Законы истории	144
4. Кто такие историки?	149
Чего ожидают от историка сегодня?	150
Важность исторических нарративов	152
Где искать историков?	154
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Будущее истории, или Настоящее в прошлом	156
 ЧТО ЧИТАТЬ ПО ТЕМЕ?	164
Благодарности	166
 SUMMARY	172

используемые в серии «Азбука понятий» обозначения

Авторские комментарии
или библиографическая ссылка

Краткая биографическая справка

Определение термина или понятия

Ссылка на другую книгу
из серии «Азбука понятий»

Ссылка на страницу этой книги

Пагинация только нечетных страниц. Для определения номера соседней страницы необходимо уменьшить на единицу номер, указанный на цветном поле.

Введение

1 Исследование с помощью расспросов

Современный человек приучен мыслить исторически, задумываться над происхождением вещей и проблем, искать свое место на «оси времени» и отличать сегодняшний день от прошлого и от будущего. Но эти привычные нам ментальные процедуры не были характерны для всех обществ прошлого.

Традицию исторической рефлексии европейская цивилизация ведет от древнегреческого автора Геродота из Галикарнаса т. е. насчитывает она почти две с половиной тысячи лет. Отношение к истории в этой традиции тем не менее постоянно меняется, меняются и представления о содержании этого понятия и о его месте в общественном сознании, а также и о возможности взаимодействия с историей, — каким-то образом влияя на нее либо используя ее в качестве инструмента влияния. Вопрос «Что такое история?» стал названием небольшой книги английского ученого Э. Х. Карра, по которой учились несколько поколений историков Однако сегодня этот вопрос уже не может звучать так, как будто на него есть четкий и однозначный ответ.

С этой точки зрения можно оценить, в каких смыслах употребляют понятие «история» в современном обществе, что вкладывают в него и что ожидают от истории. Так, сегодняшнее общество пытается инструментализировать прошлое, сделав его лишь одним из аргументов в современной борьбе за идентичность, в построении той или иной социальной группой желаемого ею будущего или же одним из ресурсов, способных обеспечить статус и доход. Но такое понимание истории вызывает ожесточенные споры. Рассуждениям на эту тему в значительной части посвящена данная книга. Эти споры уже привели к транс-

формации самого представления об истории, в результате чего определения, данные предмету полвека назад, требуют переосмысления и уточнения.

■ Carr E. H. What Is History? London: Random House, 1961.

Понятие, о котором пойдет речь в нашей книге, восходит к древнегреческому (ионийскому) слову *ístoría*, означающему «исследование», «расспрашивание», или «исследование с помощью расспросов». Именно так собирали сведения об окружавшем их мире Геродот и Фукидид. Это слово вошло в большинство европейских языков для обозначения сходных понятий. С тех пор понимание истории эволюционировало, накапливало оттенки смыслов и результаты использования в разных контекстах, теряло и приобретало вес в системах координат европейской и мировой цивилизации.

↓ **Геродот из Галикарнаса** (ок. 484 до н. э. — ок. 425 до н. э.) — древнегреческий автор, описавший греко-персидские войны в девяти книгах, которые при переписке были озаглавлены «музами», а позднее получили название «История». С этой книги ведется традиция историописания, а самого Геродота уже в античности считали первым историком. Римский оратор Цицерон назвал его «отцом истории».

↓ **Фукидид** (ок. 460 до н. э. — ок. 400 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны», считающийся одним из основателей исторической науки. Стремился основывать свой рассказ на критическом отношении к показаниям очевидцев, для чего подвергал их сомнению и проверке, сопоставлению между собой. Фукидид также внес в свою книгу полные тексты исторических документов, став, таким образом, основоположником истории, базирующейся на источниках и на их критическом истолковании.

Историю называли наукой, искусством, иллюстрацией богословия, фазой философии, жанром литературы. На самом деле она ни одна из этих вещей и не все они вместе. Напротив, наука, искусство, богословие и литература сами по себе всего лишь фазы истории как прошлого, а их конкретные формы в разные периоды и в разных местах будут истолкованы, — если будут истолкованы когда-нибудь, — историей-знанием и мыслью.

Чарльз Остин Бирд

В современном русском языке слово «история» имеет три основных значения: «рассказ о событии» («приключилась вот такая история»), «развитие человечества во времени, включающее прошлое, настоящее и будущее» («место в истории») и «изучение прошлого» («наука о действиях людей в прошлом» или «наука о прошлой социальной реальности», уточняют И. Савельева и А. Полетаев¹).

Для различения истории как процесса и ее описания ранее в русском языке использовали слово «историография». Так, Н. И. Карамзин получил от императора Александра I официальную должность «историографа» — что означало высочайшее поручение написать историю России. Однако со временем слово «историография» закрепилось в языке в более узком терминологическом значении — как область знания, изучающая развитие исторической науки, либо же как совокупность исторических работ по какой-то конкретной теме или периоду («историография Английской революции»). Сегодня мы называем Карамзина не историографом, а историком.

Эти значения характерны и для других языков (хотя в немецком, например, отличаются *Geschichte* от *Historie*, — но в любой работе об истории используют оба понятия²). Они появлялись в разное время и, кажется, представляют собой простую омонимию. Однако сегодняшнее представление об истории объединяет эти три значения, которые оказываются немислимыми друг без друга.

Савельева И. М.,
Полетаев А. В. Теория
исторического знания.
СПб.: Алетей, 2008.
С. 11.

Geschichte в
немецком языке
означало ранее
историю как процесс,
а **Historie** — историю
как рассказ о
прошлом. В современ-
ном немецком слово
Geschichte почти
вытеснило *Historie* и
используется в обоих
значениях, оставив
Historie для
поэтического языка и
для наименования
«мировой истории».
См.: Козеллек Р.
История (*Geschichte*,
Historie). Введение //
Словарь основных
исторических понятий.
Избранные статьи. Т. 1.
М.: Новое литератур-
ное обозрение, 2014.
С. 46–49.

CLIO

В самом деле, используя слово «история» применительно к событию («со мной произошла удивительная история»), мы выделяем в потоке прошлого сюжет с завязкой, кульминацией и развязкой, то есть придаем прошлому структуру. Не случайно первыми историями были истории войн — греко-персидских у Геродота, Пелопонесской у Фукидида или, скажем, русско-шведской («Свейской») в первом российском историческом труде Нового времени, где война уже имеет структуру, которую можно превратить в текст.

Долгое время в большинстве европейских языков (в России еще у В. Н. Татищева в первой половине XVIII века) слово «история» употреблялось во множественном числе — «истории», — прежде чем сформировалось представление о единой истории. Само прошлое для нас существует только в виде его описания; скрытое от нас, неопи-санное еще прошлое не является историей. Более того, история как развитие человеческого во времени также существует для нас в форме текста («рассказа о прошлом») — либо уже написанного, либо мыслимого как будущий результат исследований. Историческая наука представляется в этом контексте четким с точки зрения методологии и логики инструментом, связывающим прошлое с настоящим и будущим, превращающим неструктурированное прошлое в рассказ об этом прошлом. Результат научного исследования прошлого представляет собой текст, что сближает все три значения этого слова —

истории-прошлого, истории-исследования и истории-рассказа. Впрочем, в последние десятилетия представления о соотношении этих значений слова «история» подверглись значительным изменениям.

К истории как к прошлому обращаются не только ученые-историки. «Исторический подход» состоит в поисках происхождения современных феноменов — идет ли разговор о политических институтах, технических новинках или интеллектуальных штудиях. Этот подход стал особенно популярен в конце XVIII — начале XIX века как результат разочарования в способности разума объяснить сложность мира. Невозможность ухватить все происходящее с помощью рациональной схемы дала толчок популярности другой формы связывания феноменов в единую картину — с помощью выстраивания исторических последовательностей и поиска корней. Именно с этого момента берет свое начало и историческая наука Нового времени, появляется профессия историка. В силу своего происхождения исторический подход в некоторых традициях до сих пор противопоставляется структурному, хотя в XX веке совмещение элементов обоих подходов привело к новому качеству исследования.

Тем не менее на протяжении значительного периода современного существования история продолжает доказывать свой научный статус. Разные мыслители то объявляли историю отдельной областью общественного сознания, наравне с наукой и религией, то предлагали считать ее только методом, используемым разными науками, но не самостоятельной дисциплиной, то противопоставляли «точным наукам» в качестве отдельной отрасли знания, выделенной по особым критериям. Эти споры не утихли и сегодня. В глазах многих людей в изучении и преподавании истории существует несколько проблем, ставящих под сомнение ее научность, объективность и ценность для общества. Очень часто эта критика свидетельствует о непонимании сути исторического знания и нашего отношения с прошлым, однако ряд проблем актуализируют сами историки и философы истории.

2 Вопросы истории

Один из видов критики нацелен на познаваемость истории: прошлое недоступно для человека, живущего в настоящем, оно слишком объемно, чтобы надеяться узнать о нем все, а значит, наши обрывочные знания невозможно даже теоретически составить в единое полотно. Можно ли назвать такой свод обрывочных знаний наукой?

В самом деле, по разным причинам (катастрофы и войны, недостаток письменных свидетельств, удаленность во времени) какие-то эпохи человеческой истории остаются для нас темными пятнами (понятно, что чем ближе к современности, тем эта проблема стоит менее остро, превращаясь в новейшей истории в проблему слишком большого объема источников, которые невозможно охватить традиционными методами исследования). Более того, если представить себе, какую долю прошлого могут изучить историки, то покажется, что они пытаются вычерпать чайной ложкой огромное озеро, в которое постоянно вливаются воды реки, текущей из будущего через настоящее. Это приводит к пессимизму по поводу возможности узнать «всю историю» и — у некоторых критиков — к сомнению в ценности исторических исследований в целом.

Однако современная наука давно понимает, что «вся история» не может стать целью исследования, — невозможно нарисовать карту масштабом 1:1. И в этом, замечу, есть важный аргумент против того, чтобы определять историю как «описатель-

ную», идеографическую науку: ведь единственной целью тогда должно было бы стать как можно более полное описание прошлого; однако такая цель давно уже не является для исторической науки центральной **85**. История в наиболее распространеншемся в XX веке понимании ее метода отвечает на вопросы настоящего, черпая ответы из прошлого. Для этой цели она неустанно ищет новые источники, но и постоянно заново обращается к известным источникам с новыми вопросами.

Многие считают историю полностью субъективной областью знания, зависящей от пристрастий конкретных историков или политической конъюнктуры. «Историю постоянно переписывают», — говорят эти критики, считая, что уязвили этим историков или отменили значение истории как объективного знания.

Но дело в том, что историки, и правда, «переписывают» историю, просто потому, что время не стоит на месте, развивается и меняется жизнь (включающая в себя и постоянно развивающуюся науку), а у каждого нового поколения появляются новые вопросы. История, написанная нашими предшественниками, не становится неправильной, но она становится менее интересной для нас, потому что вопросы, ответы на которые искали учителя, — люди, жившие тридцать, сорок или сто лет назад, — нам уже не так важны, а у нового поколения возникли собственные вопросы к прошлому. Прошлое «само по себе» не изменилось, и историки обращаются зачастую к тем же текстам, что и их предшественники (хотя в исторической науке всегда ценился поиск и обнаружение новых источников). Эти новые вопросы, обращенные к тому же самому прошлому, и делают возможным и неизбежным процесс, который называют «переписыванием истории». История все время развивается и все время помогает понять что-то новое о прошлом и настоящем человеческого общества. Статус истории как объективного знания поддерживается второй стороной этого «диалога» — наличием источников, в которых находятся ответы на вопросы современности.

Поскольку в этом диалоге одной из сторон является современность, в которой присутствуют политические, экономические, культурные и прочие групповые интересы, то история по-

Для чего нужна история? <...> Для человеческого самопознания. <...> Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым — что он собой представляет.*

Робин Дж. Коллингвуд

стоянно сталкивается с давлением, с вызовами, с которыми историкам приходится иметь дело. Об этих вызовах пойдет речь в данной книге, но, очевидно, что само их наличие не делает историю субъективной.

Историки отвечают на вопросы, которые интересны им самим и их времени. Надо понимать, однако, что в понятиях изучаемой ими эпохи эти вопросы скорее всего не имели бы смысла, а людям прошлого они практически наверняка показались бы странными, нерелевантными и вызвали бы недоумение. Историк, как саидовский ориенталист, навязывает прошлому современную систему координат и подчиняет это прошлое себе, не ожидая сопротивления с его стороны.

Историческая наука периода становления национализма видела в прошлом «продление современности» — предки современных англичан, немцев, французов, русских понимались как «основатели» современных наций. Однако развитие представлений о прошлом привело к пониманию того, что образ мыслей и способ существования людей прошлого очень отличался от современного и что между современниками, говорящими на разных языках и живущими в разных странах, больше общего, чем у каждого из них с собственными предками, жившими триста лет назад.

«Прошлое — это другая страна», — определил британский романист Л. П. Хартли в 1953 году, и эта фраза стала заголовком множества статей и книг профессиональных историков. Если идентичность общественной группы определяется через диалог с Другими, то одной из особенностей современной европейской цивилизации является то, что для нее важным Другим являемся «мы вчерашние». Общество прошлого — это не «мы в детстве», это настоящий Другой. Понимание этого придает цивилизации направление и вектор развития, делает развитие (и рефлекссию над ним) сущностной частью нашей идентичности.

В рамках такой «диалогической» метафоры истории резонен вопрос о роли знаний о прошлом, накопленных человечеством, в том числе в результате исторических исследований. Здесь надо прежде всего разделить эти знания на социальную

память (о которой речь пойдет отдельно) 42-48 и на историографию, то есть сумму исторических трудов человечества, которые изучаются в университетах и которые лежат на полках всех мировых библиотек. Труды историков оказываются в рамках такого представления о науке результатами множества диалогов.

Знания, полученные предшественниками, очень важны — они помогают ориентироваться в прошлом, формулировать гипотезы и знать, где проходят границы наших возможностей. Они, однако, не являются «историей» в смысле «прошлого» (так же как, например, результаты проделанных предшественниками экспериментов не являются «физическим миром» для естествоиспытателей). Скорее, можно считать накопленные знания о прошлом социальным конструктом, позволяющим нам ориентироваться в мире и выстраивать свои отношения с ним.

См книгу
«Нации»
серии «Азбука
понятий»

Речь идет о понятии «**ориентализм**», который являлся в понимании Э. В. Саида инструментом дискурсивного подчинения незападных народов. Саид показал, что изучение Востока европейцами означало описание его с помощью понятий, выработанных внутри европейской культуры и с позиций системы ценностей, также принадлежавшей европейской традиции. Собственные традиции и системы ценностей изучаемого региона игнорировались или объявлялись «экзотикой». В результате народы Востока всегда оказывались «отстающими», не отвечающими европейским стандартам, а значит, требовавшими руководства и обучения со стороны европейцев (см.: Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006).

Представление о социальном конструировании реальности не подразумевает свободного мифотворчества — речь идет о выборе «разметки» для потока объективной информации о социальном мире, отборе важного и второстепенного, классификации и оценке, изобретении терминов и определении границ [1].

Так, например, важной проблемой, обсуждаемой сегодня, остается вопрос о ценностном измерении истории: система ценностей общества меняется буквально на наших глазах, и историкам приходится отвечать на вопрос, надо ли сохранять уважение к историческим фигурам, «отцам нации» и героям прошлого, если выясняется, что, скажем, их моральный облик был с современной точки зрения ужасен?

Другой вопрос, — поскольку история исследует среди других проблем разные этические системы, — релятивизирует ли она таким образом современную мораль, и как к этому относиться?

Наконец, более ста лет ученые дискутируют о наличии «законов истории» и способности исторической науки такие законы сформулировать — и, таким образом, предсказать будущее. Пока что все, что претендовало на звание «исторических законов», является результатом работы в смежных дисциплинах, прежде всего в экономике и социологии (макросоциологии). Эта проблема тоже будет предметом нашего разговора [144-147].

В последние годы представления об истории вошли в новую фазу конфликта. С одной стороны, в образовании и во взглядах историков утвердилось представление об истории как о постоянно поддерживаемом диалоге настоящего с прошлым. С другой — именно в это время появились влиятельные работы, ломающие перегородку между сегодня и вчера, фокусирующие свое внимание на присутствии прошлого в настоящем. Диалог в этом контексте представляется проблематичной метафорой. Тем не менее предлагаемая читателю книга в значительной степени опирается на диалоговую модель истории — с постоянной рефлексией по поводу вызовов, предложенных современной версией презентизма [148].

Надо признать, что тысячелетние споры об истории при-
нуждают автора заявить о скромности своих намерений: в этой

небольшой книге раскрыто лишь немного из накопленного человечеством в этих спорах, и это немного отобрано мною субъективным образом. Наверняка любой другой историк структурировал бы свой рассказ об истории по-другому.

В первой главе книги мы поговорим о контекстах, в которых существует история. Контексты, без которых понимание истории не может быть полным, включают прежде всего понятия времени, прошлого и памяти. Помимо этого, важнейшим моментом исторического вопрошания является возможность морального суждения о прошлом.

Вторая глава посвящена развитию представлений об истории от Геродота до конца XX века. Мы остановимся лишь на самых важных и неожиданных поворотах в отношении к истории, пережитых человечеством, отдельно поговорим о развитии исторической науки в России и доведем разговор до споров об истории конца прошлого тысячелетия.

Наконец, в третьей главе речь пойдет о современных парадоксах исторического знания в его отношениях с настоящим и будущим человечества. Сначала мы обсудим политические и социальные контексты истории, то есть то, как «используется» прошлое в современных политических и общественных дебатах. В заключение же разговор пойдет об истории как науке и о том, как она справляется с вызовами современного общества, что меняется в ней прямо у нас на глазах.

Социальный конструктивизм – направление в социальных науках, основывающееся на тезисе о том, что реальность воспроизводится («конструируется») людьми в процессе ее интерпретации ими и формулировки знаний о ней. В исторической науке социальный конструктивизм исследует формирование и поддержание социальных и политических феноменов как результата социального взаимодействия, в противовес «эссенциалистской» точке зрения, исходящей из представления о внеисторической и независимой от человека сущности социальной реальности. См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

І. КОНТЕКСТЫ

1 История и время

Время — ключевое понятие для истории; изменения во времени составляют суть и содержание истории. Представления о времени на протяжении развития человечества менялись, и вместе с этим менялся смысл истории и представления о ее назначении.

Цикличное время традиционного общества не знает истории. Все повторяется день за днем и год за годом, в памяти общества фиксируется не изменение, а повтор, позволяющий подготовиться к следующему циклу.

1. *Античное время* течет из будущего в прошлое: люди движутся вслед за своими предками по тропе, уводящей в прошлое. С этим представлением связаны идеи Золотого века в прошлом и постепенной «порчи нравов» от поколения к поколению. В период доминирования античного времени инновации не одобряются — как отступление от мудрости предков. История в эту эпоху важна как карта движения по жизни; она «учительница жизни», что показывает проложенные отцами тропы и дороги, по которым должны идти потомки, чтобы избежать ошибок. Потомки в таком обществе «приходят за нами», являются *наследниками* и *последователями*, то есть буквально «идущими по следам» предшественников (да-да, русский язык подсказывает, что такое представление о времени существовало и на Руси, — очевидно, до прихода Нового времени). Именно потому, что каждое поколение понемногу сбивается с пути, человечество все дальше уходит от Золотого века.

2. *Средневековое христианское время* «существует» между точкой сотворения мира и Страшным судом. С этим представлением связана идея истории как заданного заранее отрезка, включающего прошлое, настоящее и будущее. Это не циклическое время традиционного общества, но и не бесконечная дорога античности, уводящая к предкам. История христиан уже «рассказана», и люди живут в готовом «рассказе», но в силу своей незначительности не знают своего истинного места в нем. Тем не менее история — один из языков, на которых Бог общается с человеком и человечеством, поэтому замысел Божий о человечестве можно постигать, изучая исторические события. Понятие истории в такую эпоху не соотносится с прошлым. История включает в себя все время существования человечества — от сотворения мира до Страшного суда (и именно таковы рамки средневековых историй).

3. *Новое время* оказалось покорено идеей прогресса, в соответствии с которой все человечество постепенно совершенствуется: развиваются научные знания, слабеет зависимость от природных сил, уменьшается неравенство и угнетение в обществе. Таким образом, произошел полный разворот по сравнению с античной идеей постоянного удаления от Золотого века; он был связан с изменением направления движения по шкале времени — теперь впереди у человечества оказалось будущее.

Whereof what's past is prologue, what to come
In yours and my discharge.

William Shakespeare. The Tempest

Прошлое — пролог;
Теперь приступим к пьесе.*

Уильям Шекспир. Буря

* Шекспир У. Мера за меру. Король Лир. Буря. Пьесы / пер. с англ. О. Сороки. М.: Известия, 1990. С. 219. Интересно, что эта цитата из Шекспира высечена на гранитном памятнике у входа в Национальный архив США, — страны, вся история которой укладывается во временные рамки Нового времени; журнал, издаваемый Национальным архивом, называется «Пролог».

Время модерна поощряет инновации, а прошлое и его артефакты остаются позади и перестают быть интересными. Прошлое в этом времени означает не Золотой век, а «детство человечества». Идея постоянного развития человечества придавала прошлому и его пережиткам негативный смысл, появилось понятие «устаревания» вещей и институтов, ругательные слова «ретроград» и «реакционер». Устаревшие вещи и институты следовало уничтожать, чтобы они дали место новому. Так, время прогресса открыло дорогу революциям, а обратной стороной прогресса стало уничтожение, в том числе — в период масштабных социальных экспериментов XX века — целых социальных групп. Именно поэтому значение истории в начале нового времени было поставлено под сомнение: сама история не представляла интереса — рассказ о средних веках был нужен, чтобы показать, куда заводят людей предрассудки и невежество. Главным оправданием существования истории было то, что она помогает движению человечества по пути прогресса, фиксируя изменения.

С распространением представлений о времени как об одном из измерений физического мира, наравне с пространственными координатами, история стала рассматриваться как описание этого измерения, аналог географической карты, описывающей территорию. Историки конца XVIII–XIX веков, ставившие своей целью выявление как можно большего количества «фактов» прошлого, были своего рода мо-

Так разве не упорядочены времена, как упорядочены пространства? А ведь время и пространство — близнецы, и одна у них мать — судьба. Пространства полны мудрости, а времена полны мнимого хаоса, и, однако, человек сотворен, очевидно, чтобы искать порядков, чтобы внести ясность в свой малый промежуток времени, чтобы грядущее строить на прошедшем, — иначе зачем человеку память, зачем воспоминания?*

Иоганн Годфрид Гердер

* Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 9.

реплавателями эпохи Великих географических открытий¹.

В XX веке представление о времени усложнилось — как в физике, так и в истории роль наблюдателя и выбор его места по отношению к объекту наблюдения оказались намного важнее, чем это представлялось немного ранее, однако все последствия этих перемен мы еще не до конца осознали. Тем не менее как наиболее очевидный результат — после периодов доминирования прошлого (культ Золотого века) и будущего (ориентация на прогресс и развитие в Новое время) — мы наблюдаем выход на первый план настоящего, которое становится самодостаточным и «создает», конструирует такое прошлое и будущее, которые ему требуется. Французский историк Франсуа Артог предложил называть три типа отношения ко времени «режимами историчности»², а последний из них, опирающийся на настоящее, — «презентизмом»³.

гл. III

Уподобление времени пространству, а истории — географической карте оказалось весьма живучим. Когда в годы перестройки публицисты и историки получили возможность писать о закрытых прежде темах отечественной истории XX века, они в соответствии с традицией называли их «белыми пятнами». Однако к этому времени такая метафора уже очевидно устарела.

См.: Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris, 2003 (я пользовался английским переводом: Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time. New York: Columbia University Press, 2015).

Историчность — понятие, описывающее то, что имеет историю. Все общества являются историческими, но воспринимают эту историчность по-разному. В философию это понятие ввел В. Дильтей, для которого важно было определить историю не как завершённое прошлое, а как неотъемлемый признак современности, обеспечивающий принадлежность самой современности к истории. Французский историк Франсуа Артог развивает концепцию трех «режимов историчности», в которых в представлении об истории доминирует прошлое (в форме Золотого века), будущее (в форме Страшного суда или в форме прогресса) или настоящее (современный режим историчности, «презентизм»).

Важно заметить, что ни одно из представлений о времени, доминировавших в прошлом, не исчезло полностью. Все типы исторического времени сосуществуют и сегодня: мы можем обнаружить, например, циклическое время в календаре и планировании повседневной жизни, «героическое» античное время — в патриотической риторике политиков, средневековое христианское время — в моральных проповедях и педагогике патриотизма, а современное время прогресса — в речах реформаторов общества.

Хронотоп — понятие, введенное в гуманитарные науки М. М. Бахтиным, который понимал под ним «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений», этим понятием широко пользовался в своих трудах ведущий отечественный медиевист А. Я. Гуревич.

Социальное время человеческого общества отличается от «физического». Хронотоп любого социума размечен традицией, обозначен символами и совсем не однороден. Так, очевидно, даты трагических событий («дни памяти») или праздники отличаются от обыденности своими системами запретов и предписаний. Часть этих запретов и предписаний поддерживается традицией и функционирует как повторяющийся ритуал. В прошлом монополию на «разметку» времени имела церковь (в свою очередь борováшаяся с языческими ритуалами или перерабатывавшая их в соответствии с собственными задачами), однако в Новое время государство стремилось поставить хронотоп себе на службу. Для этого власть реформировала календарь и исчисление времени, вводила новые, светские праздники, меняла названия городов и улиц, а на площадях устанавливала памятники новым героям. Это, как правило, происходило в эпохи революций и служило четким определяющим признаком такой эпохи.

2 История и прошлое

Большинство современных определений истории используют понятие «прошлое», называя историю «наукой о прошлом», «наукой о действиях людей в прошлом» или же «наукой о прошлой социальной реальности».

Начнем с того, что так было не всегда.

Древнегреческие историки, с которых по традиции ведет свой отсчет историческая наука, вовсе не пытались изучать прошлое. Геродот и Фукидид стремились оставить записи о своем времени, о собственном настоящем, чтобы оно не было забыто потомками. Если в их трудах и присутствовало прошлое, то только в форме «прошедшего в будущем»: когда читатели следующих поколений знакомились бы с текстами, в которых было описано время их авторов. Римские историки тоже больше всего писали о собственном времени; и даже Тит Ливий, автор истории Рима от основания города, создал повествование, к которому его последователи лишь дописывали события, которым сами были свидетелями.

Средневековая история понималась как отрезок времени от сотворения мира до Страшного суда, причем в каком-то — самом важном — смысле, она уже состоялась. Тексты о человеческой истории, написанные в ту эпоху, включали в себя прошлое, настоящее и будущее как единое целое. Изучение истории было важным для понимания замысла Божьего о человеке, и оно, конечно, не ограничивалось уже состоявшимися событиями: в «Граде Божием» все события уже произошли, и история была полным рассказом о человечестве от сотворения мира до Страшного суда.

Прошлое стало проблематизироваться лишь в Новое время, с проведением границы между собственным временем историков и средневековьем, когда утвердилось и представление, что изучение прошлого нужно для понимания будущего, мыслящегося, соответственно, как прямое продолжение минувших эпох. Лишь Великая французская революция нанесла удар по такому образу истории и сформировала представление о прошлом как о кардинально отличной от современной реальности. Именно в

этот период в трудах И. Г. Гердера появляется понятие «историзм» , представление о принципиальном отличии и несводимости друг к другу разных исторических эпох, при этом вытекающих одна из другой.

Вместе с тем консервативная реакция на Великую французскую революцию включала в себя и дискурсивный бой по поводу значения понятия «история». Английский политик и публицист Эдмунд Бёрк, которого считают основателем консервативной мысли, определял историю как «союз между умершими, живыми и еще не родившимися».

Классический образ истории как повествования о прошлом окончательно утвердился лишь в XIX веке. В этот период происходило становление и диверсификация наук, формулировались их предметные поля, и именно тогда историки провозгласили своим предметом прошлое. В это время закреплялся образ ученого «в башне из слоновой кости», историка, способного судить о прошлом «без гнева и пристрастия», поставляю-

 Историзм — одно из главных понятий исторического подхода к действительности, толкующее социальное развитие как постоянное становление и рассматривающее настоящее как закономерный результат прошлого развития. Рассмотрение действительности как постоянно меняющейся и развивающейся позволило оценить эпохи прошлого как отличающиеся от современности не только конфигурацией политических сил, но и устройством общества, мотивацией людей, их ценностями и предрассудками. Распространение историзма сделало невозможным описание людей прошлого как современников историка, а также усложнило поиск закономерностей в историческом процессе, поскольку заставило усомниться в возможности сравнения разнесенных во времени событий, — ведь все критерии сравнения также меняются.

щего какое-то знание об ушедших эпохах тем, кому оно зачем-то нужно в современности (социологам, политикам, исследователям собственной генеалогии и разного рода любителям прошлого).

Таким образом, представлению об истории как науке исключительно о прошлом всего пара сотен лет, но уже в XX веке ему было противопоставлено мнение, что «любая история — современна» и что современность вторгается в изучение и трактовку прошлого. В самом деле, любой исследователь выбирает для своей работы темы, актуальные для его современников, и ставит перед источниками вопросы, которые считаются важными для людей его эпохи.

История и сегодня прежде всего мыслится как связанная с прошлым. Тем не менее в таких выражениях, как «войти в историю», «записать что-то для истории», речь, очевидно, идет не о прошлом, а об истории как всем существовании человечества во времени, включающем прошлое, настоящее и будущее человеческого рода. Более того, в этом контексте история видится как накопление человечеством опыта и одновременно вневременной суд над делами и помыслами людей.

С середины XIX, а особенно в XX веке, сразу несколько идеологических, политических и интеллектуальных поворотов актуализировали будущее как часть переживаемой обществом истории: идеологические режимы включили идеальный образ будущего в свои программы, предполагая это будущее неизбежным, то есть заранее «состоявшимся» в истории; а в последней трети века постмодернистский поворот потребовал от историков обратить внимание на то, что целью их трудов является не познание прошлого, а скорее конструирование будущего.

Однако и сегодня прошлое ускользает от определения. Грань между прошлым и настоящим неочевидна: даже только что увиденное своими глазами событие превращается в прошлое к моменту нашей мысли о нем. Можно проводить хронологическую черту по времени существования изучаемого института или явления, но тогда прошлое будет разным для каждого исследователя и каждого объекта изучения. Можно ориентироваться на сроки открытия архивов (и тогда государ-

Знать — значит предвидеть, а предвидеть — значит мочь или властвовать. Знание прошлого дает нам, таким образом, власть над будущим.

М. Н. Покровский

ство, имеющее возможность устанавливать сроки давности и рассекречивания, оказывается властью, определяющей границы современности). Сторонники одного из распространенных взглядов считают, что границей современности всегда остается «последняя катастрофа», — для нашего поколения это все еще катастрофа Второй мировой войны¹.

Вместе с тем для историка принципиально важно изучать именно те явления, события, тенденции, которые уже завершились, структуры, уже переставшие существовать. Они могли завершиться минуту назад, или же с момента их окончания могли пройти века, — важно, что историк не может изучать длящееся событие или незавершенную тенденцию, — тут нужны другие социальные науки. Нидерландский историк Йохан Хейзинга писал о телеологичности истории: эта наука способна изучать только завершенные процессы, видеть в прошлом только то, что оставило последствия, ощутимые в наши дни. Поэтому все изучаемые процессы в прошлом представляются ведущими к цели (тому, что случилось позже, и о чем мы, историки, уже знаем). Для истории важна «разность потенциалов» между временем исследователя и временем исследования. Только такая разница создает возможность для напряжения и диалога, который и отличает историческое вопрошание.

При этом в последние годы с утверждением презентизма эта ключевая особенность истории подвергается сомнению: прошлое настолько интегрировано в современность, что сама эта современность представляется лишь последним моментом прошлого, сливаясь с ним и превращаясь в его режущую время «грань». При таком взгляде теряется напряжение между прошлым и настоящим, и задача историка усложняется.

«Разметка» истории

Однако было недостаточно отделить прошлое от современности, необходимо было изобрести некую «сетку координат», помогающую упорядочить бесчисленное множество сведений об этом прошлом. Первой задачей историков стало сведение рас-

сказов о прошлом, выстроенных в привязке к разным системам исчисления времени, в единую историю. Второй — создание новой «разметки» исторического прошлого, включавшей все известные события.

Христианский историк и один из отцов церкви Евсевий Кесарийский (ок. 263–340) впервые совместил библейскую историю с данными египетских, римских и греческих источников. В своей «Хронике» он составил таблицу соответствия событий, изложенных в Библии (начиная со времен Авраама), войнам, олимпиадам, правлениям архонтов, консулов, царей и императоров, событиям, известным из других текстов. В начале Нового времени французский историк и филолог Жозеф Жюст Скалигер (1540–1609) продолжил дело Евсевия (частично опираясь на его труд) и расширил круг включенных в историю событий, используя разнообразные методы их датировки, — например по упомянутым в текстах затмениям. Его труды «Новое сочинение об исправлении хронологии» (1583) и «Сокровищница хронологии» (1606) принесли ему славу создателя современной научной хронологии.

По мере того как обозреваемое прошлое человечества углублялось и объем

См.: Roussu H.
The Latest Catastrophe:
History, the Present,
the Contemporary /
transl. from French.
Chicago, 2016.

Йохан Хейзинга
(1872–1945) — нидерландский философ и историк. Автор работ по истории позднего Средневековья и методологии социальной науки; наиболее известные труды — «Осень Средневековья» и «Homo Ludens» («Человек играющий»). Оказал влияние на историческую науку XX века своим принципиально плюралистическим пониманием причинности в истории, а также предпочтением этического императива в качестве основания для суждения о прошлом попыткам его рационализации в позитивистском духе. Умер в концлагере во время немецкой оккупации.

Телеология — учение о целесообразности бытия, применительно к истории — метод объяснения событий и социальных процессов «целями» и результатами развития, использующий для понимания вопросы «зачем, с какой целью?». Хейзинга обратил внимание на то, что историки ищут в прошлом истоки и причины событий, совершившихся позже, не имея инструментов, чтобы увидеть те процессы, которые не привели (еще) к заметному результату.

знаний о событиях истории становился все большим, историки и философы столкнулись с необходимостью не только объединить все прошлое в рамках единой хронологии, но и «разметить» этот материал в соответствии со своими представлениями о важнейших его элементах. Чаще всего разметка осуществлялась на основании географического и хронологического признаков, иногда — на их комбинации.

Так, в раннее Средневековье было распространено деление истории на «царства» или империи, последней из которых стала Римская (идея иеромонаха Филофея о Москве как «Третьем Риме» была частью этой традиции мысли), или же предложенная Аврелием Августином периодизация истории по «шести дням творения», которым соответствовали шесть тысячелетий человеческой истории; последнее тысячелетие началось с рождением Христа и именно поэтому в 1000 году от Р. Х. европейские христиане ожидали конца света и начала «седьмого дня вечной субботы», должной наступить с воскресением из мертвых.

В XIX и XX веках стали популярны разновидности деления мира на «цивилизации» по культурному и религиозному признаку (набор и состав признаков разными авторами предлагался разный). Российский ученый Н. Я. Данилевский был одним из пионеров этих теорий, а немецкий философ О. Шпенглер и британский историк А. Тойнби стали главными классиками такого подхода в XX веке. К подобным взглядам на «мироустройство» оказались близки и «евразийцы», а также последователи разного рода геополитических схем.

Однако большее распространение получили различные схемы хронологического деления истории.

Традиционная хронология привязывала годы к существованию описываемого объекта — правлению императора, существованию города (от основания Рима вели отсчет многие античные историки). В 731 году английский историк Беда Достопочтенный (672/673 — ок. 735) впервые предложил исчисление времени от Рождества Христова — практика, распространившаяся в Европе с XI века, которой мы пользуемся до наших дней. Однако деление истории на эпохи осталось любимым за-

нятием мыслителей. Относительно легкая теоретическая процедура деления истории человечества на столетия сталкивается с исторической реальностью, очевидные «разрывы» которой не приходится на «круглые годы». Так, в обсуждениях появляются такие понятия как «длинный XIX век» (от начала Великой французской революции в 1789 году до начала Первой мировой войны в 1914 году) или «короткий XX век» (от начала Первой мировой войны в 1914 году до окончания «холодной» войны и распада социалистической системы в 1989 или Советского Союза в 1991 году).

В эпоху Возрождения мыслители видели себя продолжателями античной культуры, тогда как период между своим временем и античностью казался им разрывом традиции. Именно они впервые сформировали трехчастную схему всемирной истории, состоявшую из Древнего мира, Нового времени и разделявших эти два периода Средних веков.

Марксизм внес в историческую хронологию свое представление о будущем, вновь рассматривая человеческую историю как единое целое, включающую не только прошлое; советские ученые на основании трудов К. Маркса и Ф. Энгельса разработали схему мировой истории как последовательного сменяющих друг друга пяти «общественно-экономических формаций»: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Последней, как представлялось Марксу, еще только предстояло наступить.

Аврелий Августин (354–430) — христианский богослов и философ, проповедник, епископ Гиппонский, один из отцов христианской церкви. Его самый известный теологический и философский труд — «О граде Божием», в котором он развернул христианскую концепцию человеческой истории, противопоставив «град Земной» «граду Божию». Два града сосуществуют, и людям не дано знать, кто к какому граду принадлежит, однако «град Божий» существует и вне земного времени, в нем присутствуют все добродетельные люди из разных времен. В 22 книгах этого произведения Августин развивает идеи линейного исторического времени и морального прогресса. Моральную историю он начинает с грехопадения Адама и рассматривает как поступательное движение человечества к нравственному совершенству. Другой известной работой Августина является его «Исповедь».

Критическая философия истории конца XIX — середины XX века и развитие конструктивистских подходов в конце столетия привели к пониманию инструментального характера всех гносеологических схем; сегодня наиболее распространено представление, что ученый выбирает ту или иную хронологию или тот или иной вариант цивилизационного подхода, если они помогают ему лучше решить поставленную перед собой задачу. Сами по себе эти схемы не могут быть «верны» или «ложны» — они либо помогают понять какую-то часть социальной реальности, либо нет.

Хронология — членение прошлого на исторические периоды — эпистемологическая процедура, она имеет отношение прежде всего к механизмам нашего познания действительности. В самом деле, периоды, на которые мы делим прошлое, характеризуют не столько ушедшее время, сколько наше отношение к нему. Более того, с принятием идеи историзма, то есть изменчивости человечества, периодизация помогает выделять временные промежутки, внутри которых изменчивость каких-то параметров не так заметна, что позволяет рассматривать их как имеющие единую структуру и доступные для изучения одинаковыми методами. На этом основана впервые выдвинутая французским историком Фернаном Броделем идея «времени большой длительности» (*longue durée*) Излишне отмечать, что для историй, сосредоточенных на разных параметрах прошлого (например, для экономической и культурной истории), периодизация может отличаться.

Проблема познаваемости истории не сводится к осознанию того, что прошлое слишком велико. Стоит специально остановиться на понятии, к которому до сих пор прибегают многие, говорящие о прошлом, но вызывающем сомнения у профессиональных историков, — понятии «исторический факт».

Существуют ли «исторические факты»?

Еще в XIX веке считалось, что история-прошлое состоит из огромного числа дискретных событий, которые стали называть историческими фактами. Историки того периода (обычно всех

их сейчас причисляют к историкам-позитивистам, хотя этот подход характерен и для историко-критической школы и для других историков второй половины позапрошлого столетия) считали своей задачей установление как можно большего количества фактов. С их точки зрения, событие исторического прошлого можно было однозначным образом описать и перенести в текст исторического исследования. Предполагалось, что каждый установленный факт становится кирпичиком, из набора которых можно выстроить здание истории как полного описания прошлого.

Фернан Бродель (1902–1985) — французский историк, лидер второго поколения школы «Анналов», редактор журнала «Анналы» в 1956–70 годах. В середине 1930-х вместе с будущим создателем структурной антропологии Клодом Леви-Строссом преподавал в бразильском университете Сан-Паоло. В годы Второй мировой войны — боевой офицер (1940), провел 5 лет в немецком лагере для военнопленных. Наиболее известные труды — «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» в 3-х томах (1949) и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» в 3-х томах (1979). Ввел в историческую науку понятие времени большой длительности, сделал структурный подход важной частью методологического аппарата историков.

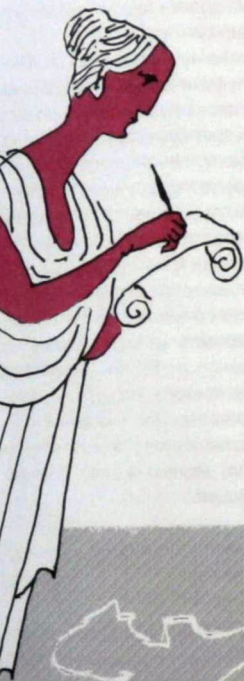
«Время большой длительности» (*longue durée*) — введенный французским историком Фернаном Броделем термин, означающий исследование общества в перспективе медленных фундаментальных перемен. Бродель предлагал разделять изучение быстротекущей событийной истории (на этом уровне существует большая часть политических событий), истории среднего уровня («конъюнктура» — на этом уровне можно описывать циклы подъемов и спадов в экономике и демографии) и время большой длительности, характеризующее крупные структуры человеческого существования. Именно изменения на третьем уровне необходимо изучать с целью выявления закономерностей исторического развития.

Однако уже в начале XX века само понятие «исторический факт» подверглось сомнению и критике. Прежде всего, историки, отойдя от единственного, политического ракурса в исследовании прошлого, увидели, что любой «факт» оказывался, с одной стороны, делимым на более «мелкие» факты, а с другой — был частью какого-то еще более крупного процесса или события, которое тоже можно было бы назвать «фактом».

Еще более важным было понимание, что одно и то же событие (скажем, празднование победы над врагом) может быть описано во множестве научных текстов: в одном — в качестве факта культурной жизни, в другом — как экономический факт, в третьем — как факт политический. То есть одному событию прошлого соответствует не один, а множество исторических фактов, содержащихся в научных трудах. Принципиально важно здесь, что этот список фактов, порожденных единственным событием, всегда остается открытым, — невозможно представить себе, какой «факт» увидит в уже известном событии историк следующего поколения, который, возможно, придет в тот же самый архив, что его предшественник, и возьмет те же самые документы, — но задаст им новые вопросы. Оказалось, что факта как объективной, независимой от исследователя и решаемой им задачи действительности нет, он становится результатом взаимодействия историка, ставящего исследовательский вопрос, и источника, в котором он отыскивает ответ.

Получается, что любой факт, упомянутый в историческом исследовании, является уже описанием события с определенной точки зрения и с помощью определенной методологии.

Можно ли отнести к историческим фактам утверждения вроде «Крепостное право было отменено 19 февраля 1861 года» или «СССР прекратил свое существование в декабре 1991 года»? Чтобы понять отличие этих высказываний от того, что имеют в виду историки, задумаемся, на какой вопрос они отвечают. Если вопрос носит хронологический характер, — *когда* случилось такое-то событие? — то это еще не факт, а лишь привязка события к шкале времени. А если мы спрашиваем, *что* случилось в такую-то дату, то этот ответ лишь один из возмож-

ных. Причем ответ «крепостное право было отменено» — лишь одно из нескольких возможных описаний события (пусть и наиболее распространенное). Высказывание, констатирующее событие (то, что оно состоялось), но не отвечающее ни на какой вопрос, не является констатацией исторического факта, — тем более что трактовка скрыта в том, как мы называли это событие. Так, в зависимости от исследовательской оптики и позиции автора можно, например, написать, что «Советский Союз распался», «был распушен», «стал жертвой политических амбиций», «уступил стремлению народов к независимости».

Таким образом, прошлое недоступно нам в том смысле, в каком мы можем говорить о доступности физического мира, оно не лежит где-то как неосвоенная другая планета, а актуализируется только через наше внимание к нему; оно существует только «в потенции», в виде остатков и следов деятельности людей, ожидающих внимания со стороны людей другого времени, в *источниках* исторической науки. Однако прошлое не является плодом вымысла или фантазии историков: формулируя все новые вопросы, они ищут ответы на них в этих остатках и материальных следах деятельности человека и не могут игнорировать эти ответы.

Завершая этот разговор, нельзя не отметить, что сегодняшнее представление о задачах и предмете истории вновь не ограничивается прошлым; современные историки понимают, что их работа является частью современного дискурса и участвует в формировании будущего человечества. Значение термина «история» сближается с представлением о временном аспекте существования человечества, включающем, помимо прошлого, также его настоящее и будущее.

3 История и память

В греческой мифологии муза истории Клио была старшей дочерью богини памяти Мнемозины. В поисках красивых метафор историю иногда называли «памятью человечества». Однако в XX веке стало понятно, что социальная память существует не

только в форме истории, а возможно, она и противоположна истории как форме упорядочения действительности.

Социальная память — долговременное сохранение и передача знаний, навыков, запретов и другой социальной информации от поколения к поколению. Именно на ней строится повседневная жизнь, планирование и развитие общества. Новое поколение должно в процессе обучения перенести часть этого опыта в собственную индивидуальную память, чтобы использовать и затем передать ее потомкам.

У социальной памяти есть множество форм, включающих семейную память (передачу семейных историй и — главным образом в традиционном обществе, сохраняющем социальное место за представителями одной семьи на протяжении поколений, — профессиональных навыков от родителей к детям), систему образования (где передачу важной межпоколенческой информации осуществляет общество или государство), а также, например, упомянутый выше хронотоп, в котором живет человек (названия городов и улиц, установленные памятники и мемориальные знаки и праздники). Язык можно рассматривать как первую форму социальной памяти: он содержит структуры, передающие социальный опыт («социальное конструирование реальности» происходит прежде всего в языке).

Сохранение и передача социальной памяти от поколения к поколению является одной из главных задач человечества с момента его выделения из мира природы

Социальная память.

Существует несколько несовпадающих определений этого понятия; наиболее распространенное понимает коллективную, или социальную, память (а также культурную память) как конструирование групповой идентичности на основе обычаев и воспоминаний прошлого. Понятие введено французским социологом и психологом Морисом Хальбваксом (1877–1945) и стало быстро растущей областью исследований с начала 2000-х. Важным для понимания проблемы является различие между памятью и историей. История уничтожает память, а память стремится сохранить то, что ускользает от истории. Заметная часть исследований памяти сосредоточена на травматическом XX веке — геноциде, холокосте, голодоморе, репрессиях и других трагедиях.

(собственно, можно сказать, что наличие социальной памяти отличает людей от животных). Запоминание большого объема информации (не только повседневной вроде навыков охоты и земледелия, но более общей, существующей, например, в эпосе и включающей образцы поведения, этические нормы и эстетические правила) было главной частью любого обучения, образования, воспитания.

Очевидно, что в первобытном социуме память общества сохранялась в значительной мере в индивидуальном сознании его членов. И хотя в первобытном коллективе, насколько ученые могут предполагать, существовало некоторое разделение труда, и задача сохранения опыта в большей степени лежала на старшем поколении, а также на вождях, жрецах и шаманах, — все же каждый отдельный человек должен был сохранять в памяти коллективную мудрость, культуру и основные навыки совместного выживания.

Одной из задач государства стало поддержание единства социальной памяти путем проведения исторической коммеморации — установления памятников, наименования улиц и городов, преподавания и музеефикации.

Письменность дала возможность отделить накопление опыта от индивидуальной памяти. Объемы передаваемого стали больше, но память стала дробиться, разные ее части поддерживались отдельными (например, профессиональными) сообществами. Не случайно тартуский семиолог и историк культуры Юрий Лотман назвал историю «одним из побочных результатов возникновения письменности».

С появлением книгопечатания и распространением грамотности доля информации, сохраняемой в индивидуальной памяти, сократилась. Появление интернета (и электронных устройств) усиливает тенденцию высвобождения индивидуальной памяти, перенося в сеть большое количество информации, фактов, технологий. Люди уже не запоминают в таком количестве даты или факты (которые можно в любой момент посмотреть в Википедии).

Социальная память, таким образом, окончательно стала чем-то внешним по отношению к конкретному человеку, что

расширило возможности оспаривания доминирующей версии памяти со стороны альтернативных концепций.

В последние десятилетия исследования памяти стали быстро развивающейся областью. Среди ученых, занимающихся этой проблематикой, культурологов, вероятно, больше, чем историков. Более того, один из первых исследователей памяти Морис Хальбвакс считал, что история и память находятся в состоянии антагонизма¹. В самом деле, историки профессионально занимаются не сохранением памяти, а ее разрушением, потому что обращаются к прошлому с вопросами, ищут там то, что не сохранено в «актуальной памяти» человечества. Задача социальной памяти — обеспечить сохранение традиции, передачу информации от поколения к поколению. Одна из возможных

Лотман Ю. М.
Несколько мыслей о
типологии культур //
Лотман Ю. М.
Избранные статьи в
трех томах. Таллинн:
Александра, 1992.
Т. 1. С. 103.

См.: Хальбвакс М.
Социальные рамки
памяти / пер. с фр. и
вступ. статья
С. Н. Зенкина. М.:
Новое издательство,
2007.

Коммеморация (мемориализация) — процесс сохранения памяти о людях и событиях. Может включать установление памятников и памятных знаков, изменение топонимии (наименование улиц, городов и других географических объектов), а также установление памятных дат и проведение церемоний, приуроченных к этим датам.

Музеефикация — преобразование историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью выявления и сохранения их историко-культурной, научной, художественной ценности. Чаще всего, говоря о музеефикации, имеют в виду памятники архитектуры и другие объекты недвижимости (например, места проживания знаменитых людей либо же места трагедий и политического насилия, как в случае с музеями ГУЛАГа или с нацистскими лагерями смерти). Музеефикация способствует включению объекта и связанного с ним содержания в поддерживаемую обществом память о прошлом.

Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы... История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого. <...> Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим... Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память — это абсолют, а история знает только относительное. В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее. История есть делегитимизация пережитого прошлого.

Пьер Нора

задач истории — деконструировать эту традицию, показать ее относительность. Кроме того, история способна оперировать масштабами, недоступными социальной памяти, — глобальными процессами и временами «большой длительности», и это тоже разводит память и историю как разные способы отношения к прошлому.

С похожих позиций противопоставляет память истории и ведущий французский историк Пьер Нора, автор концепции «мест памяти» (*les lieux de mémoire*), которыми могут стать памятники, праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, а также книги (в том числе художественные произведения и их персонажи), песни или географические точки, которые «окружены символической аурой». Функция мест памяти — сохранять память группы людей.

Существует и другая точка зрения: профессиональная история сама является одной из форм социальной памяти общества («успешная история ассимилируется в коллективной памяти»¹¹). В таком подходе тоже есть смысл, однако он нивелирует отличия в формах обращения к прошлому между историей и социальной памятью. Часть ученых пришли к выводу, что, поскольку оба понятия полны значений, зависящих от контекста, то «попытка установить между ними твердое концептуальное соотношение основана на ошибочных предпосылках»¹².

И тем не менее очевидным образом изучение социальной памяти важно для исторической науки в той мере, в какой социальная память представляет собой

■ Geary P. J. *Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millenium*. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 12.

■ Cubitt G. *History and Memory*. Manchester: Manchester University Press, 2007. P. 62.

«запечатленное прошлое». Она в этом смысле равна не истории как науке, а ее источникам, «сырью» для исторического анализа. История может задавать свои вопросы к тому, что составляет социальную память, — монументам и устным преданиям, традициям и учебникам (помимо этого, историческая наука задает вопросы и тем источникам, которые из живой социальной памяти выпали, отложившись в архивы или погребенные слоем почвы). Появившаяся в середине XX века «устная история» как раз и нацелена на превращение (индивидуальной) памяти в историю.

4 История и мораль

С античности и до Нового времени одним из самых распространенных видов исторических текстов были нравоучительные. Примеры из прошлого помогали разъяснить основы правильного и неправильного поведения, закрепить ценности и моральные установки общества. Однако в начале Нового времени такая история перестала удовлетворять взыскательному вкусу просвещенного читателя, — нравоучениями теперь занималась литература. Тем не менее история продолжала поставлять примеры для этических учений и в Новое время, особенно когда их стали конструировать в отрыве от христианской этики. Вскоре, однако, люди стали возлагать на будущие поколения функции морального суждения, и это резко изменило представления об истории.

В XVIII веке, в эпоху секуляризации знания, из объяснительных схем устройства мира стал выпадать бог. В большинстве случаев божественное начало заменялось народом; так возникли клише о «непогрешимости народа» и демократическая легитимация правления, пришедшая на смену «божьему помазанию». Поддержание морали и ценностей правильного поведения во многом опиралось на представления о Страшном суде, который ждет всех в конце времен, и загробном воздая-

нии. Секуляризация пришла и сюда: идею Страшного суда сменила концепция «суда потомков». Оценить поступки и побуждения ныне живущего поколения предстояло следующим поколениям, и именно на их суд выносились важнейшие решения. Это означало, в частности, что историки будущего виделись как судьи, взвешивающие добро и зло и выносящие окончательный вердикт о добродетели людей и оценивающие их жизнь в целом.

Вопрос о морали в истории связан с завязавшимся еще в Средневековье спором о свободе воли. В самом деле, жестко детерминистские концепции человеческой истории отрицают свободу воли, но тем самым ставят под сомнение и возможность морального суждения. Хорошим примером являются взгляды известного британского историка Э. Х. Карра , который был сторонником исторического детерминизма и утверждал, что идея свободы воли в истории, продвигавшаяся Карлом Поппером и Исайей Берлином, была «пропагандой хо-

 Устная история — направление в исторических исследованиях, основанное на методе фиксации

специалистами рассказов очевидцев (обычно с помощью технических средств) о событиях, которым они были свидетелями, и дальнейшей обработке этих рассказов историками. Направление сформировалось в 1960-е годы и стало одним из ответов на критику исторической науки, «глухой» к голосу народа, не оставляющего собственных письменных свидетельств. К началу XXI века распространение устной истории вместе с «исследованиями памяти» стало важным фактором перенесения фокуса исторического внимания общества на недавнее прошлое.

 Эдвард Халлетт Карр (1892–1982) — британский историк, политолог, дипломат, журналист и исследователь международных отношений. Наиболее известен как автор книги «Двадцать лет кризиса: 1919–1939. Введение в изучение международных отношений» (1939), в которой ввел в науку о международных отношениях термин «политический реализм», а также своими Тревельяновскими лекциями в Кембридже (1961), опубликованными под названием «Что такое история?» и ставшими обязательным чтением на исторических факультетах англоязычных стран для целого поколения студентов. Карр занимался также изучением советской истории, опубликовав четырнадцатитомное исследование «История Советской России» и ряд других текстов, написанных с левых идеологических позиций.

История — это духовная форма, в которой культура отдает себе отчет о своем прошлом.*

Йохан Хёйзинга

История не учительница, а надзирательница, *magistra vitae*: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков.**

Василий Ключевский

* Huizinga J. A Definition of the Concept of History // Philosophy & History. Essays presented to Ernst Cassirer / ed. R. Klibansky, H. J. Paton. New York, 1963 [1936]. P. 9.

** Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и эпюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 36.

лодной войны», ведь ее главное предназначение — противостоять детерминизму советского представления об истории, неуклонно ведущего человечество к коммунизму. Он отрицал возможность моральных суждений в истории, считая антинаучным для историка судить людей другого времени, ориентируясь на моральные ценности своей собственной эпохи.

Тем не менее Карр считал возможным выносить оценки институтам прошлого, а не индивидам: оценка, выносимая отдельному историческому деятелю, может быть воспринята как снятие ответственности с общества. Так, он полагал неверным приписывать нацистские преступления только Гитлеру, а маккартизм — только сенатору Маккарти. По мнению Карра, в работе историка не должны использоваться понятия добра и зла; он предлагал использовать вместо них понятия «прогрессивный» и «реакционный». Вследствие такого подхода Карр объявил коллективизацию в СССР оправданной (несмотря на огромные жертвы, ее сопровождавшие), поскольку она привела к прогрессу — индустриализации страны.

Известный американский историк холодной войны Джон Л. Гэддис считал подход Карра не только неверным с моральной точки зрения, но и противоречащим признанию самим Карром невозможности «объективной истории». Для Гэддиса плодотворным представлялось сравнение этических оценок одного и того же явления историками и современниками.

История случается с историками, как и со всеми остальными. Мысль о том, что историк может стоять в стороне от моральных суждений, отрицает реальность этого факта. Она подразумевает разрыв суждения и оценки... Единственный путь к решению этой проблемы, я думаю, — признать связь историка с моралью его или ее времени, но открыто развести эту мораль <...> и мораль того индивида или той эпохи, о которой пишет историк. Нам необходимы оба угла зрения, если мы в самом деле хотим триангулировать прошлое.*

Джон Л. Гэддис

* Gaddis J. L. The Landscape of History: How Historians Map the Past. New York: Oxford University Press, 2002. P. 127–128.

Так является ли целью истории моральное суждение о прошлом? Вряд ли историки в самом деле хотят выступать судьями загробного царства; однако моральная оценка, безусловно, оказывается одной из форм исторического вопрошания. Если история есть постоянно поддерживаемый диалог настоящего с прошлым, то содержание этого диалога может быть в том числе и моральным, — причем оценивающим действия исторических деятелей не только с точки зрения морали, господствовавшей в их эпоху, но и с современным историку пониманием морали. Эта оценка дает возможность поддержать важную для истории дистанцию между «сейчас» и «тогда».

Конечно, исторический диалог не обязательно морален: его содержанием может быть экономика, идеология, социально-культурная проблематика, лишь косвенно затрагивающая этические вопросы. Тем не менее критерии этики оказываются важными в тот момент, когда историк переходит от изучения источников к созданию собственного нарратива. Дело в том, что некоторые варианты непротиворечивых рассказов о прошлом оказываются противоречащими моральным установкам современной эпохи и, что особенно опасно, могут возбуждать вражду и вести в окопы.

В самом деле, если смотреть на исторический нарратив с позиции не только отношений настоящего и прошлого, но и отношений, в которых присутствует и будущее (выбор интерпретации прошлого осуществляется для того, чтобы повлиять на форми-

Нарратив (рассказ, повествование) — изложение событий или явлений в их хронологической последовательности, обычно с указанием на причинно-следственную связь между ними. В нарративе принято обращать внимание на завершающее событие как на кульминацию и конечную цель рассказа (и предшествующих событий); вместе с тем организует рассказ именно цепь событий и образов, а не анализ взаимосвязей между ними. За рамками нарратива остается проблема отбора событий, попадающих в повествование, которая считается ключевой в других формах организации исторического текста. Нарратив распространен в учебниках истории, часто нарративом называют также экспозиции музеев или исторических выставок.

Истории надлежит не судить, а объяснять
<...> История не судья, но адвокат; судьей
она стать не может без того, чтоб не стать
несправедливой, не смешать мысль с жизнью,
не подменить логические суждения симпатия-
ми и антипатиями чувства.*

Бенедетто Кроче

История оправдывает любое желание. Она,
строго говоря, ничему не учит, ибо содер-
жит все и дает примеры всего.**

Поль Валери

Ответственность перед историей освобож-
дает от ответственности перед людьми.
В этом ее удобство.***

Альбер Камю

* Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 53, 55.

** Валери П. Заметки о величии и упадке Европы // Валери П. Избранное. М.: Художественная литература, 1936. С. 290.

*** Камю А. Творчество и свобода. Статьи, эссе, записные книжки. М.: Радуга, 1990. С. 488.

рование будущего), то оказывается, что один из возможных способов оценки предлагаемых нарративов — оценка будущего, к которому они ведут. Среди «конструктов» подобного рода есть такие, которые способствуют конфликтам, войнам, межрасовой и межнациональной вражде. Именно поэтому в ряде стран пришли даже к законодательному ограничению некоторых интерпретаций истории: мемориальные законы во многих странах запрещают, например, отрицание холокоста. Однако очевидна слабость таких запретов: «запрещенные» интерпретации появляются в соседних странах, распространяются в сети интернет; кроме того, они имеют весьма спорный характер, с точки зрения ученых, а также последовательных защитников свободы слова. Есть и другой вариант, связанный с морально-этической ответственностью и связанным с ней самоограничением. Появление морального критерия в оценке исторического нарратива кажется вненаучным, однако вполне естественным и заставляет еще раз задуматься о содержании понятия «история».

Отрицание холокоста — отрицание геноцида евреев и других этнических и социальных групп нацистами и их пособниками в годы Второй мировой войны. Существует в формах 1) отрицания существования политики уничтожения евреев в Третьем рейхе, в котором «окончательное решение» якобы означало только депортацию евреев из страны; 2) отрицания существования лагерей смерти и использования газовых камер для массового убийства; и 3) утверждения, что число погибших евреев было значительно меньше, чем признанная историками цифра от 5 до 6 миллионов. Сами отрицатели холокоста предпочитают называть себя ревизионистами, однако они не применяют и отрицают признанную методологию исторического исследования, предпочитая опираться на теории заговора антисемитского характера.

ii. прошлое истории

Вторая часть книги представляет собой по необходимости краткий очерк развития взглядов человечества на историю и на возможности ее познать. Мы в основном будем говорить о том, что именно понималось под историей и исторической наукой в разные эпохи, а не о многочисленных попытках ухватить смысл и назначение существования человечества, которые тоже попадали в разряд истории.

Важна и географическая привязка развития исторического типа мышления. История зародилась и развивалась прежде всего в европейской цивилизации. Собственная оригинальная историографическая традиция существовала в Китае, а недавние труды постколониальных исследователей **108-110** находят ее и в Индии, и в других неевропейских странах. Однако влияние неевропейских традиций на представления современного общества об истории видится незначительным. В последние столетия история начала превращаться во всемирную. Тем не менее расширение субъектов истории, включающее обретение ее народами Азии и Африки, осуществляется в рамках парадигмы истории, выработанной в Европе.

Представляется неслучайным развитие исторического самосознания именно в том регионе мира, развитие которого было особенно быстрым в последние века: поддержание постоянного напряжения между собой сегодняшним и «собой» вчерашним было важной культурной особенностью региона и выступало двигателем перемен.

1 От античности к Новому времени

Истории греческих войн

В нашем насытом пропитанном историей обществе трудно представить себе момент зарождения исторического мышления. Можно говорить о том, что, как и многое другое в нашей цивилизации, историческое мышление зародилось в Древней Греции: именно древние греки первыми попытались изложить в письменной форме рассказ о событиях, объединенный причинно-следственными связями.

Ко времени написания первых «историй» в Элладе существовала традиция логографов, фиксировавших в письменной форме происходившие события. Забегая вперед **64-66**, скажем, что средневековые анналы и летописи относятся к подобному виду текстов: события в них называются, но не объясняются и между собой никак не связываются. «Факты» там есть, а истории нет. Важная для греческой мысли традиция гомеровского эпоса также избегала объяснения событий иначе как волей богов и человеческими страстями.

Переход от работ логографов к первым историческим сочинениям связан, видимо, с тем же поворотом греческой мысли, который создал политическую систему, театр и судебное производство. С этого времени установление причинно-следственных связей и последовательности событий стало важной составной частью понимания греками окружающего мира.

«Отец истории» Геродот сам не использовал этого слова; тем не менее он описал в своем сочинении историю войн греков с персами, а заодно передал и рассказы о быте и нравах народов, окружавших Элладу, разбавив их рассуждениями о божественном промысле. Геродот не занимался проверкой информации, которую он включал в свой текст: у него не было метода, который бы помог определить истинность сообщенных сведений. Именно поэтому влиятельный британский теоретик истории XX века Р. Дж. Коллингвуд считал настоящим «первым историком» другого великого грека — Фукидида, который в своей

истории Пелопоннесской войны применял для проверки и уточнения полученных им данных перекрестный опрос свидетелей, сравнивал полученные сообщения и отмечал те, которые противоречили остальным. Это сравнение различных источников стало фактически первым методом исторической науки, который используется историками вплоть до сегодняшнего дня.

И Геродот, и Фукидид написали труды о войнах, то есть первые истории были историями войн. Видимо, это не случайно: война, как и литературное произведение или театральное представление, имеет начало, кульминацию и конец. Истории войн до сих пор остаются едва ли не самым распространенным жанром исторического произведения.

Следующие поколения историков расширили представление о том, какие события могут стать предметом исторического исследования. Полибий написал историю создания римского мира на развалинах эллинистического, задавшись вопросом о причинах и способах объединения ойкумены

 Ойкумена — введенный древнегреческим географом Гекатеем Милетским термин для обозначения обитаемой части мира. Греки использовали это слово в значениях «известного мира», «населенного мира» или «мира, который можно заселить», а в римском употреблении им стали называть цивилизованный мир (в противоположность варварскому)

Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.*

Геродот

Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всемогущими, из страха пред ними были излагаемы лживо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах рассказав о событиях под конец жизни Августа, повести в дальнейшем рассказ о principate Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия, причины которых от меня далеки.**

Тацит

* Геродот. История в 9 книгах. Л.: Наука, 1972. С. 11.

** Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Л.: Наука, 1969. С. 7.

Римские истории республики и империи

Тит Ливий совершил еще один важный шаг: его «История Рима» стала первым и самым известным рассказом, в центре которого было основание, развитие, проблемы и триумф города-государства. История Тита Ливия впервые оказалась привязанной не к событию, имевшему видимые начало и конец (как война или завоевание Средиземноморья), а к «субъекту», политическому телу Рима. Эта форма задаст канон для исторических произведений Нового времени, когда национальные государства потребуют создания собственных историй.

В Риме появились и первые популярные жизнеописания: Плутарх и Светоний описывали жизнь цезарей и политических деятелей античности, создавая образцы биографического жанра в истории.

Главный историк императорского Рима Публий Корнелий Тацит сокрушался в своих работах, что историки «старого

Тит Ливий (59–17 до н. э.) – древнеримский историк, автор «Истории Рима от основания города». Тит Ливий обладал хорошим стилем, и его «История» сделала его крупнейшим римским историком. Эта репутация сохранялась за ним вплоть до XIX века, когда представители научной историографии начали критиковать Тита Ливия за недостатки в работе с источниками. «История Рима» повлияла на историописание эпохи Возрождения и времени становления национальных государств, задав модель и образец для написания национальных историй.

Публий Корнелий Тацит (середина 50-х – ок. 120) – древнеримский историк, автор «Истории» и «Анналов», а также нескольких небольших исторических текстов. Тацит совершил успешную карьеру, был сенатором и консулом, наблюдая вблизи римских императоров и их политику. После убийства императора Домициана он решил описать события последних десятилетий, выбрав девизом своего труда «без гнева и пристрастия» (*sine ira et studio*). На самом деле Тацит не скрывал своих пристрастий и оценок – девиз имел в виду его политическую, но не эмоциональную или моральную беспристрастность.

Рима» имели перед собой гораздо более широкую панораму истории, они могли писать о войнах и штурме городов, о расширении Рима, а обернувшись на события дома, описывать дебаты и конфликты в сенате или принятие законов. Ничего этого не осталось на его долю, вся история теперь стала историей императоров. В Новое время — в эпоху абсолютизма — сочинения Тацита стали одними из самых популярных античных текстов в Европе; придворные абсолютных монархов находили интерес в чтении описаний Рима эпохи цезарей.

История как язык описания политики

Уже в античности выяснилось, что рассказ о прошлом формирует язык для последующих описаний. Так, современникам трудно было описать деяния Александра Македонского — не было материала для сравнения и слов для обозначения захвата огромных стран, зато в последующем сами победы Александра стали формулой, с помощью которой описывались все завоеватели (рассказ о Македонском сам стал языком описания победоносного завоевателя), так же как все ораторы были в дальнейшем «демосфенами» и «цицеронами», а мудрые правители — «периклами». «Сравнительные жизнеописания» Плутарха можно рассматривать как опыт закрепления такого языка. Чтобы понять происходящее, необходимо было его с чем-то сравнить и найти образцы; образцы предлагали историки в своих трудах. Таким образом, одна из первых функций истории — создание языка для описания политики, — языка сравнений с образцами, найденными в прошлом.

Появление языка, на котором сегодняшний день описывался через события вчерашнего, было связано и с обнаружением отличий между современностью и прошлым и привело к проведению постоянного различения, то есть к осознанию изменений, происходящих со временем. Это поддержание дистанции между сегодня и вчера стало одной из важных функций истории. Общества стали определять себя через сравнение не только с соседями, но и с собой в прошлом.

История — свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины*.

Марк Туллий Цицерон

История в Средние века — одно из творений Бога

Средневековая наука была частью христианского богословия. Не только весь мир, но и вся история представлялась творением Бога, и, следовательно, в любом событии можно было увидеть божественный промысел. Именно поэтому история была прежде всего источником поучительных примеров, раскрывающих замысел Божий о человечестве. Сюжеты из человеческой истории понимались как аллегории, любое важное событие надо было сопоставить с событием, описанным в Библии или в сочинениях отцов церкви, что помогало открыть его моральный и сакральный смысл. Сознание средневековых образованных людей не знало критики, — авторитетное свидетельство не подвергалось сомнению, и в этом смысле даже Фукидидовский метод проверки свидетельств оказался забыт. Однако и история не была в эту эпоху предметом специального внимания.

В трудах Аврелия Августина и Павла Орозия история превратилась в демонстрацию всемогущества Бога, который наказывал гордых и неправедных. В этой концепции впервые появилось представление об истории, как об универсальном процессе, охватывающем все народы. Аврелий Августин, бывший свидетелем падения Рима, искал опору для существования христианства после конца империи; его идея о вечном граде Божием, противопоставленном временному граду земному, послужила основой для средневековых представлений об истории.

История в средневековом понимании не была ограничена прошлым. Настоящее и будущее человечества было предначертано и представляло собой единую линию, проведенную от сотворения мира до Страшного суда. Средневековый историк Оттон Фрейзингенский (после 1111–1158) посвятил семь книг своей «Хроники» изложению всемирной истории от сотворения мира до 1146 года (года окончания труда), а в восьмой рассказывал о грядущем Страшном суде.

Вместе с тем знания о прошлом были в Средние века привилегией правящих классов: генеалогия служила основой для определения положения рода в обществе, заслуги предков

обеспечивали современное могущество, а земельные владения были результатом войн, матримониальных и судебных решений, принятых на протяжении многих поколений. Напротив, простой люд не имел собственной истории глубже трех поколений семейного прошлого — генеалогия не имела значения и, по большей части, не фиксировалась. Можно сказать, что обладание прошлым было привилегией и маркером социальных различий, а история была основой для отношений господства и владения.

Средневековая история существовала в виде церковной истории (включавшей также жития святых — агиографию) и в двух видах «светских» текстов: хрониках (летописях), содержавших последовательные записи событий, и нравоучительных сюжетах, называвшихся «историями», в которых, в отличие от хроник, наличествовали попытки указать на причинно-следственные связи между событиями. Сочетать эти виды текстов не получалось вплоть до позднего времени, а исторические книги зачастую так и называли «история и хроника».

Павел Орозий
(ок. 380 — ок. 420) — историк и теолог раннего Средневековья, автор книги «История против язычников», встречался с Аврелием Августином и, видимо, учился у него. Важной частью исторической методологии Орозия была борьба против античного представления о постоянном ухудшении мира; он настаивал, что с появлением христианства мир стал лучше, а современные ему несчастья не так ужасны, как те, что существовали в мире до Христа. Разработал универсалистскую концепцию мировой истории, в которой четыре империи — Вавилон, Македония, Карфаген и языческий Рим рухнули, а христианский Рим, являясь наследником их всех, все же был устроен на других началах и потому должен избежать их участи.

Провиденциализм (от лат. *Providentia* — провидение) — представление о том, что исторические события являются осуществлением божественного предначертания. Характерен для всей средневековой и для христианской концепции истории (особенно для западного христианства — католичества и протестантизма).

В христианском Средневековье считалось, что автором всего сущего является Бог; архитектор или художник не были создателями храма или иконы: Бог использовал человека как мастеров или кисть, инструмент творения. «Вдохновение», испытываемое мастером, как раз и означало присутствие Бога в душе. История была одним из Божественных творений, и человек, конечно же, был лишь орудием Божиим, будь он «действующим лицом» или описателем событий.

Титаны Возрождения и сомнение в авторитетах

Эпоха Возрождения сломала это представление. Люди стали авторами своих произведений. Не случайно деятелей этой эпохи стали называть «титанами»: подобно титанам античной мифологии, они бросили вызов богам. Люди, проживавшие историю, и люди, ее писавшие, стали отвечать за свои дела и получили возможность активного действия в истории. Ренессанс начался с копирования античных образцов не только в скульптуре. В диалоге «Акций» (конец 1490-х) неаполитанского историка Джовиано Понтано (1429–1503) содержится рецепт по написанию исторических трудов, созданный им после тщательного изучения трудов античных историков: автор различает описание «слов» и «дел», из которых выделяются «дела военные», описывать которые следует в строго определенной последовательности: зачин, основное действие, завершение и следствия, причем каждый из этапов делится на еще меньшие сегменты. Нетрудно понять, что в этой рекомендации риторическая схема важнее описываемого события, автор сосредоточивается на устройстве описания исторического процесса, а не самой истории. Вслед за Цицероном ренессансные историки видели в истории прежде всего упражнение в риторике, а использование языка классической латыни вело за собой и заимствование всей терминологии.

Так, 12 книг «Истории народа Флоренции» (закончены в 1439 году) Леонардо Бруни по прозвищу Аретино рассказывали о позднесредневековой Флоренции, используя форму (анналы)

и язык описания Тита Ливия; у него в книге (как в Древнем Риме Ливия), происходила борьба «патрициев» и «плебеев».

Тем не менее «Историю Флоренции» считают началом нового периода европейской историографии, когда возродилось внимание к истории для решения актуальных политических задач (следующую «Историю Флоренции» написал спустя столетие другой великий флорентинец Никколо Макиавелли). История становится аргументом в политической борьбе, в разработке программ переустройства общества. Именно книга Аретино стала позднее образцом для написания первых национальных историй Европы.

Эпоха Ренессанса и раннее Новое время знаменовали появление критического метода, который пришел и в изучение прошлого. Ученик Аретино Лоренцо Валла с помощью приемов филологической критики доказал подложность «Константинова дара» — документа, которым на протяжении Средневековья римские папы обосновывали свои притязания на светскую власть в Европе. Важность этого события не только в том, что современникам были продемонстрированы возможности филологического анализа текста (это был, пожалуй, первый шаг в развитии критики источников, сделанный историей со времен Фукидида, использовавшего перекрестные «допросы» свидетелей для установления истины); сама постановка вопроса о подлинности древнего документа показывала приход новой эпохи.

Аретино (Леонардо Бруни) (1370 или 1374–1444) — флорентийский историк эпохи Возрождения. Автор нескольких сочинений, в том числе «Истории Флоренции», написанной в подражание античным образцам (в частности, «Истории Рима от основания города» Тита Ливия), но ставшей одним из первых исторических текстов Нового времени. Учитель другого знаменитого флорентийца Лоренцо Валлы.

Начало Нового времени, эпоха Просвещения

Реформация в XVI веке внесла новые споры и в отношение к прошлому. Группа протестантских историков под руководством Матвея Флация Иллирика (1520–1575) составила проникнутую критикой католичества версию христианской истории – «Магдебургские центурии» в 13 томах (1559–1574), основанные на изучении множества источников, хранившихся в разных странах Европы. Авторы впервые разбили изложение событий прошлого по векам (отсюда и название «центурии» – столетия). В ответ на это издание кардинал Цезарь Бароний (1538–1607) при содействии папы римского Сикста V создал собственную версию истории христианства, двенадцатитомные «Церковные анналы» (опубликованы в 1588–1617). Опираясь на Ватиканскую библиотеку и другие источники (в том числе – впервые! – на результаты раскопок римских катакомб), Бароний защищал историю католической церкви с позиций современных ему подходов к историческим исследованиям.

То же столетие знаменовало и выделение светской истории из священной. Французский политик и ученый Жан Боден (1529–1596) опубликовал книгу «Метод легкого изучения историй» (1566), в которой разделил три области познания: Бога, природу и общество, которым соответствуют три вида истории. Предложенное Боденом деление истории на божественную (священную), природную (естественную) и человеческую (гражданскую) стало весьма популярным в XVII–XVIII веках.

Вскоре Рене Декарт (1596–1650) принес в науку методическое сомнение – отказ от веры в **авторитеты** и опору на разум. В его методе радикального сомнения не было места для суждений на основании аллегорий или доверия к ученым прошлого или отцам церкви. Все знание человека о мире должно быть развернуто из одной точки, в которой он не может сомневаться, – «мыслю, следовательно, существую».

Декарт не был историком, но картезианство изменило способ мышления всех интеллектуалов раннего Нового времени и не могло не повлиять и на историю, – хотя до исторических исследований эти принципы добрались позже, чем до естествознания.

Фрэнсис Бэкон — еще один философ, создававший основы научного подхода, в своей книге «О достоинстве и приумножении наук» предложил классификацию знаний в соответствии с популярной со времен античности идеей о разных способностях мышления (разум, память и воображение). Бэкон предложил считать наукой разума философию, или «чистую науку», наукой памяти историю, а наукой воображения — поэзию. Такая классификация (доминировавшая до начала XIX века) отводила истории лишь вспомогательную роль.

И в самом деле, в начале Нового времени историей продолжали называть тексты морального содержания с примерами из прошлого, однако с нашей, сегодняшней точки зрения гораздо ближе к историческим исследованиям было то, чем занимались антиквары и эрудиты. Антиквары были собирателями древностей, которые помогли сохранить и описали множество остатков прошлых эпох и документов, без их внимания, вероятно, канувших бы в небытие. Антикварам принадлежит не только заслуга публикаций исторических документов, но и придание работе с ними светского характера.

Эрудитская же история началась с поиска в церковных архивах документов, подтверждающих претензии церкви на собственность, что явилось, по сути, показательной заменой авторитета церкви на юридические основания. Но результатом работы эрудитов стала публикация многих

Эрудиты (в исторической науке) — историки раннего Нового времени, прежде всего монахи двух орденов — бенедиктинцев (мавристов, по конгрегации святого Мавра) и иезуитов (болландистов, по имени отца Болланда), которые исследовали документы церковных архивов и разрабатывали свои приемы их исторической критики. Именно эрудиты создали целый спектр вспомогательных исторических дисциплин, помогавших в установлении подлинности, датировке и классификации документов.

См. книгу
«Авторитет»
серии «Азбука
понятий»

томов исторических источников и разработка методов работы со средневековыми рукописями.

Французские и шотландские просветители XVII–XVIII веков очень жаловали историю – идея развития человечества занимала их меньше, чем представления о торжестве Разума. Самое большее, что они отводили истории, была роль опыта, предупреждающего от повторения ошибок. В это же время неаполитанский профессор риторики Джамбаттиста Вико (1668–1744) трудился над своим трактатом «Основания новой науки об общей природе наций» (первая редакция 1725 год, окончательная – 1744), построенным на совершенно других принципах. Вико полагал, что образ мыслей людей изменчив, меняются их представления и рассуждения об окружающем мире, – умозаключение, далекое от подходов авторов теорий естественного права и общественного договора. Позднее оно получит название историзма. История, по мысли Вико, продукт человеческой деятельности, а потому более доступна для изучения, чем природа, которую сотворил Бог. Вико попробовал сочетать идею прогресса с циклическим возвращением старых форм на новом уровне – метафора развития человечества «по спирали» принадлежит именно ему.

Постепенно тема освоения античного наследия, занимавшая европейцев со времен Ренессанса, уступила место проблематике перехода от античности к истокам современных национальных государств. Во Франции в первой половине XVIII века развернулся исторический спор «германистов» и «романистов». «Германисты» придерживались сформулированной историком и астрологом графом Анри де Буленвилье (1658–1722) теории, что государство во Франции создало германское племя франков, покорившее народ галлов; потомки франков – современная аристократия, а галлов – «третье сословие». «Романисты» придерживались другой теории возникновения государства, высказанной впервые дипломатом и историком аббатом Жаном Батистом Дюбо (1670–1742): галлы, по его мнению, постепенно перемешались и слились с франками, составив новый французский народ. Из такого рассуждения следовало, что существующее сословное

деление не имеет исторического оправдания. Спор «германистов» и «романистов» стал одним из важных дебатов, подготовивших революцию во Франции **89**

Великая французская революция потрясла европейское общество, которое вдруг осознало, что континент вступил в совершенно новую эпоху. К началу XIX века всем в Европе стало интересно, что произошло и чем же отличались прошлые времена; начался период интереса к прошлому, породивший романтизм, национализм и способствовавший появлению самих современных наций.

В этот же период происходит несколько изменений в смыслах, вкладывавшихся в понятие «история». В результате секуляризации **■** представлений об устройстве мира во многих контекстах история заменяет собой Бога, представляя «высшим судьей», а также безличным вершителем судеб. Помимо этого, появляется и представление о том, что историю творит человек, — и в этом смысле она уже не рок и не божество, а продукт человеческого разума и деяний.

В это время история становится не просто самым популярным чтением. Французский историк Огюстен Тьерри говорил, что история даст имя девятнадцатому веку, как философия дала имя веку восемнадцатому.

Джамбаттиста Вико (1668–1744) — итальянский философ и историк, автор трактата «Основания новой науки об общей природе наций», ради издания которого вынужден был продать фамильные реликвии. Один из первых теоретиков историзма — представлений об истории как о развитии человечества от первобытного существования до зрелой гуманности, — которому соответствовало и развитие политических и общественных институтов. Эти представления не были оценены в эпоху Просвещения, но оказали большое влияние на философию истории следующего века.

■ **Секуляризация** — в истории: изъятие собственности (прежде всего земельной) у церкви и передача ее светскому хозяину (обычно государству); в социологии — снижение роли церкви и религии в сознании людей и жизни общества, замена религиозных норм на светские; политика, направленная на снижение роли религии и церкви в какой-то сфере общественной жизни. Здесь: замена религиозных христианских представлений об устройстве мира на научные.

Отмените изучение истории — и вы, весьма вероятно, увидите новую Варфоломеевскую ночь во Франции и нового Кромвеля в Англии."

Вольтер

Архитектура стала ориентироваться на средневековые образцы, в живописи воцарились исторические сюжеты, а писатели стали одновременно историками. Да, среди первых больших национальных историков многие начинали и сделали себе имя как писатели. Николай Карамзин, Фридрих Шиллер, Вальтер Скотт были знаменитыми литераторами и знаменитыми историками. Александр Пушкин пробовал себя в качестве историка, собирая материалы для «Истории Пугачева», а также «Истории Петра Великого».

Для историков эпохи романтизма весьма привлекательными были биографии великих людей — творцов и героев формировавшегося национального эпоса. Это послужило основой для двух афоризмов Томаса Карлейля — одного из ведущих историков середины XIX века: «История мира — это биография великих людей» и «История — это квинтэссенция сплетни», между которыми есть очевидная связь.

В этот период формируется представление о нации как об общности, объединенной языком и историей. История начинает рассматриваться как главный механизм *создания нации*. С этого времени вершиной исторического исследования становится история страны, нации, государства.

Именно тогда во многих странах начинается публикация документов национальной истории, создаются исторические общества и музеи.

История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Ее задача – лишь показать, как все происходило на самом деле (wie es eigentlich gewesen).*

и есть!

Леопольд фон Ранке

Из введения к работе Л. Ранке «История романских и германских народов с 1494 до 1535 года» (1824): *Ranke L. von. Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1885. S. VII.*

2 История как наука: XIX век

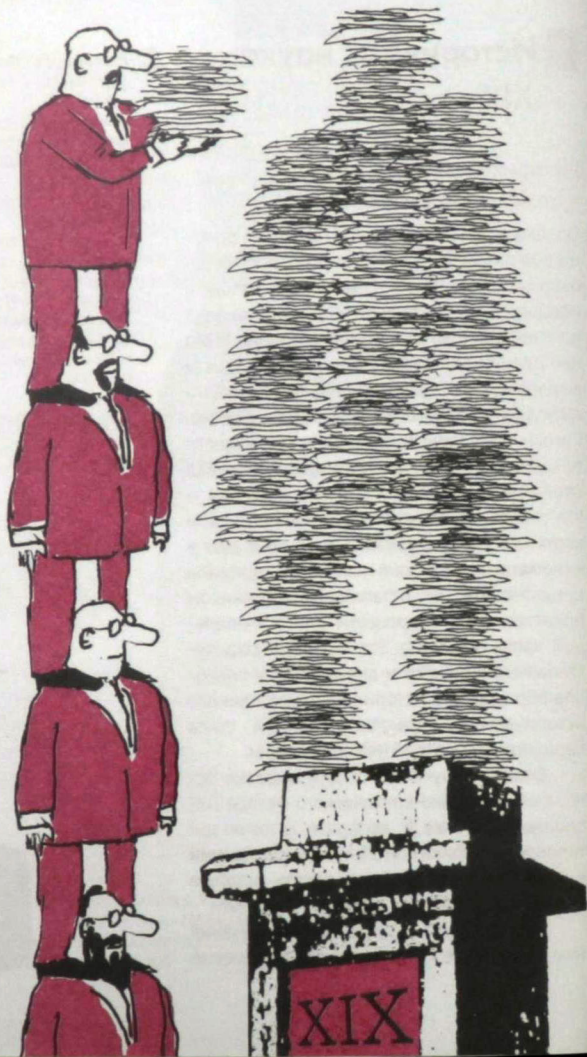
Историко-критическая школа и позитивизм в истории

Однако очень скоро пути историков и романистов разошлись: история стала профессионализироваться, неотъемлемым методом исторического исследования стал анализ источников, а литературная фантазия была поставлена под запрет в научных трудах и вырвалась из-под ограничений научного дискурса в форме исторического романа. Самый популярный романист следующего поколения Александр Дюма формулировал свое отношение к истории так: «История — это гвоздь, на который можно вешать свои картины». Литературная (а в XX веке еще и кинематографическая) история продолжала существовать и оставаться источником представлений о прошлом для значительной части общества. Эта ситуация сосуществования научного и «ненаучного» способов обращения к истории в рамках единого исторического сознания общества стала характерной чертой Нового времени.

Отличия научной истории выразил основатель историко-критического метода Леопольд фон Ранке во фразе, которую цитировали историки всего мира на протяжении многих десятилетий: надо писать историю так, «как все происходило на самом деле».

Эта формула важна для понимания того, как ученые XIX века видели отношение

 Леопольд фон Ранке (1795–1886) — немецкий историк, основатель историко-критической школы; разработал методологию истории, основанную на работе с архивными источниками, и ввел в практику преподавания исторические семинары. В 1841 году получил официальную должность королевского историографа Пруссии.

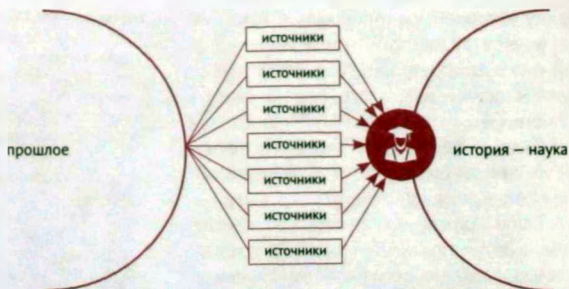

между историей как прошлым и историей как наукой. Историки считали своей задачей воссоздание прошлого в своих трудах, причем полагали, что это можно сделать единственным способом, — выяснив, «как оно было на самом деле». Гарантией точности их работы было скрупулезное следование процедурам исторического анализа.

Такой подход исключал влияние историка на результат его исследования: предполагалось, что любой квалифицированный историк извлечет из одинакового набора источников один и тот же набор фактов, как разные шахтеры достанут из шахты одну и ту же руду. Именно поэтому в тот период в исторической науке стали популярны коллективные монографии: историки делили между собой какой-либо исторический период и писали многотомное сочинение так, как если бы этим занимался единственный ученый¹. Историки XIX века исходили из тождественности истории как прошлой реальности и истории как знания о прошлом, видя свою задачу в установлении всех фактов прошлого, то есть приведения объема знания в соответствие с объемами прошлых событий.

Тот же Ранке способствовал профессионализации истории, введя в Берлинском университете семинар как форму работы со студентами. Во второй половине XIX века в европейских университетах появилось множество кафедр истории, историческое образование отделилось от филологического или юридического, в ведущих странах Европы начали публиковаться научные журналы по истории.

Ярким примером может послужить многотомная коллективная монография по истории Франции под редакцией Эрнеста Лависса, в написании которой принимали участие более десятка историков: *Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution* / [sous la dir. d'] *Ernest Lavisse*. 9 (18) t. Paris: Hachette. 1900–11.

Представления об истории в конце XIX века (историко-критическая школа, позитивизм). Историк — ремесленник, а результат его работы (история — наука) эквивалентен прошлому (фигура справа совпадает с фигурой слева).

Ученые, составившие «историко-критическую школу», опирались в своих работах на источники, из которых они извлекали факты прошлого. Поскольку история ими мыслилась прежде всего как политическая и дипломатическая, то и основными источниками для них были документы официального происхождения, которые они находили в государственных архивах. Задачей историка стало нахождение все новых фактов в архивных документах — главных источниках тогдашней исторической науки.

Во Франции, а затем и в Англии в этот период распространился позитивизм. Усвоившие его методологические основания историки отказались от попыток установления «законов истории» (эту задачу они уступали социологам), посвятив свои труды как можно более полному выявлению всех фактов прошлого. Труды таких историков-позитивистов, как Генри Томас Бокль (1821–1862) в Англии, Ипполит Тэн (1828–1893) и Н.-Д. Фюстель де Куланж (1830–1889) во Франции стали считаться идеалом исторического исследования.

Девятнадцатый век так и не стал «веком истории» — во второй половине столетия бурное развитие естествознания

сделало его образцом «настоящей науки». История в тот период также ориентировалась на критерии научности, вырабатывавшиеся естествоиспытателями. Объектом истории стали считать прошлое (прошлое общество), которое понималось как аналог природы — объекта естественных наук. Часто методологические установки историков второй половины XIX века считают основами «позитивистской историографии» — во многом потому, что позднее их совокупно критиковали историки школы «Анналов». Да, эти установки распространились в то же время, когда идеалом знания служила так называемая «позитивная наука», известны попытки методологически увязать историческую методику с одним из этапов естественнонаучных исследований, а именно — со сбором материала. Однако правильнее будет сказать, что эти методы лишь совпали с триумфом позитивизма, но не были результатом его «внедрения» в историческую науку, которая стала считаться предварительным этапом перед отведенным социологии главным элементом научной программы позитивизма — формулировкой законов.

В самом конце века, в 1897 году, два французских историка Шарль Виктор Ланглуа и Шарль Сеньобос опубликовали свой учебник, в котором обобщили накопленные за столетие правила работы историка. В их «Введении в изучение истории» было твердо заявлено: «История пишется по документам... нет их, нет и истории»¹.

Ланглуа Ш.-В.,
Сеньобос Ш. Введение
в изучение истории.
М.: ГИИБ, 2004. С. 49.

Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи. Пробуждающееся понимание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что «разумное стало бессмысленным, благо стало мучением», — является лишь симптомом того, что в методах производства и в формах обмена незаметно произошли такие изменения, которым уже не соответствует общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям.

Фридрих Энгельс

Философия истории, философы об истории

■ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 102.

Помимо писателей-романтиков и историков-ранкеанцев, размышлениям об истории на протяжении XIX века предавались философы. Таким образом, история стала объектом и полем сразу для трех разных видов интеллектуального рассуждения. Не пересекаясь с исторической наукой напрямую, философские выводы о смысле и содержании истории оказывали влияние на мировоззрение историков и становились частью широкого понимания истории в XIX веке.

В первой половине XIX века чрезвычайное влияние на развитие всех научных теорий, объясняющих изменчивость природы и общества, оказала философия Г. В. Ф. Гегеля. Он считал всемирную историю выражением «божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах», выражением «того ряда ступеней, благодаря которому он осуществляет свою истину, доходит до самосознания»^[1], и размышлял, каким образом абсолютный дух передавал скипетр «исторического народа» от персов к грекам, римлянам и затем к германцам. Однако более фундаментальный эффект имел сформулированный Гегелем принцип единства и борьбы противоположностей как источника развития. Он повлиял не только на эволюционную теорию Ч. Дарвина, но и на классовый подход к пониманию движущих сил развития человечества в интерпретации К. Маркса.

К. Маркс и Ф. Энгельс создали теорию истории, которую обычно называют историческим материализмом. Базисом всего исторического развития являются производительные силы и производственные отношения, а «Манифест Коммунистической партии» (1848) включал чеканную формулировку: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов».

В теории исторического материализма появилось и представление о развитии человечества как смене общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Нетрудно заметить, что марксисты считали, что постигли законы истории, позволяющие им заглядывать в будущее и, таким образом, как христианские средневековые историки, включили в нарратив истории не только прошлое и настоящее, но и будущее человечества. Это смелое обращение с будущим было характерной чертой Нового времени, обращенного в завтрашний день, строящего утопии и антиутопии; но именно марксизм стал одной из самых влиятельных теорий (возможно, самой влиятельной) и оставался таковой на протяжении целого века. Маркс предложил экономическое объяснение исторического процесса, сохраняющее свое значение и сегодня, — правда, теперь уже как одно из направлений в более широком потоке научного знания о прошлом.

В конце XIX века появляются сомнения в роли истории в жизни человечества — она начинает казаться преувеличенной. Фридрих Ницше уже в 1874 году опубликовал работу под говорящим названием «О пользе и вреде истории для жизни», в которой объявил, что характеристикой современности является «чрезмерность истории». История, по мнению Ницше, не является «наставницей жизни», — наоборот, жизнь должна быть наставницей истории, а «избыток истории вредит жизни».

История понимается как чистая наука и, ставшая самодержавной, представляет собой для человечества род окончательного расчета с жизнью. Историческое образование может считаться целительным и обеспечивающим будущее, только когда оно сопровождается новым могучим жизненным течением, например нарождающейся культурой, т. е. когда оно находится во власти и в распоряжении какой-нибудь высшей силы, а не владеет и распоряжается самостоятельно.

История, поскольку она сама состоит на службе у жизни, подчинена неисторической власти и потому не может и не должна стать, ввиду такого своего подчиненного положения, чистой наукой вроде, например, математики. Вопрос же, в какой степени жизнь вообще нуждается в услугах истории, есть один из важнейших вопросов, связанных с заботой о здоровье человека, народа и культуры. Ибо при некотором избытке истории жизнь разрушается и вырождается, а вслед за нею вырождается под конец и сама история¹.

Фридрих Ницше

Ницше выделял три рода истории — «монументальный, антикварный и критический». Монументальная история удовлетворяет потребности людей «в образцах, учителях, утешителях», но она «вводит в заблуждение при помощи аналогий» и может причинить беду, подталкивая людей к «героическим поступкам» — войнам, революциям и убийствам; антикварная нужна тому, «кто охраняет и почитает прошлое» и стремится сохранить в неприкосновенности все, издавна существующее, то есть, уточняет Ницше, «все мелкое, ограниченное, подгнившее и устарелое приобретает свою особую, независимую ценность и право на неприкосновенность», такая история вырождается в процессе собирания ненужных мелочей и неспособна породить новую жизнь; критический же род истории необходим, потому что человек должен обладать «силой разбивать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше», однако он таит в себе опасность попыток «создать себе *a posteriori* такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно происходим»^Д.

С момента институционализации науки обсуждается и вопрос о научности истории. Содержание и смысл этого вопроса менялись, поскольку развивались представления людей об истории и их представления о науке.

В XIX веке, когда образцом науки казалось строгое естественнонаучное знание, история выглядела недостаточно научной: она не использовала математический аппарат, в ее арсенале не было строго доказанных законов и она не могла предъявить в свою защиту повторяемость событий или провести эксперименты. С наукой историю роднил сбор эмпирических данных в соответствии со строгими (разработанными мавристами в XVII веке и доведенными до совершенства немецкими последователями Ранке и французскими позитивистами в течение XIX века) процедурами. В то время казалось, что история как наука находится на раннем этапе своего формирования, а период установления законов у нее еще впереди.

Появление «естественной истории» и таких наук, как геология и эволюционная биология позволили сторонникам определения

истории как науки снять возражения, связанные с экспериментом, — эксперимент недосягаем и многим естественным наукам.

На рубеже веков среди историков и, особенно, философов разгорелась дискуссия о принадлежности истории к кругу наук. Широкое распространение получила точка зрения, расширившая понимание науки таким образом, чтобы она включала в себя историю. Согласно классификации немецкого философа-неокантианца Вильгельма Виндельбанда все науки делятся на «номотетические» (устанавливающие законы) и «идеографические» (описывающие уникальные явления). Ученик Виндельбанда Генрих Риккерт развил эту классификацию, определив место истории по двум критериям. По первому из них история — наука индивидуализирующая (в отличие от обобщающих, например социологии), а по второму она — наука оценочная (в отличие от неоценочных, например физики). Для Риккерта естественная наука была произвольной интеллектуальной конструкцией, системой обобщения, построенной человеком на базе единичных данных, таких же как те, которыми оперирует история¹¹.

Важной новацией критической философии истории было сделать предметом внимания подходы к изучению прошлого, оттеснив в сторону закономерности «самой истории» и поиски ее смысла и назначения, которые теперь стали называть «спекулятивной философией истории».

Вместе с тем многие выдающиеся историки держались в стороне от этого спора

■ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни С. 99, 106, 110, 111.

■ См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре М.: Республика, 1998.

или просто соглашались с отнесением истории к разряду искусства. Более того, в англоязычных университетах история и сегодня относится к *arts*, а не *science*. Это отнесение не означает «дисквалификации» исторической методики как «ненаучной», оно лишь демонстрирует трудность применения классификаций, придуманных в XIX веке.

3 История России

Начало

В Древней Руси события настоящего и недавнего прошлого фиксировались в летописях — аналогах западноевропейских средневековых хроник, но заимствованное слово «история» к ним не применялось.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово «история» («гистория») встречается со ссылкой на переводные тексты XV–XVII веков в значении «письменное или устное повествование о каком-либо событии, лице и т. п.»¹. Нам неизвестны другие слова, которые бы заменяли это понятие в средневековой Руси. Можно предположить, что историческая рефлексия не была важной частью русского самосознания за пределами христианских текстов.

Все меняется в период Петровских реформ. «Словарь русского языка XVIII века» знает уже множество употреблений слова «история» в следующих значениях: «прошлое человечества, страны, народа», «совокупность событий, фактов прошлого», «наука о прошлом человечества, страны, народа», «знания, сведения, память о прошлом», «ход, течение, развитие какого-л. явления», «о том, что было в действительности, изложение действительных событий (противоп. вымысел, басня)», «происшествие, приключение, случай (чаще неприятные)»². Наконец, в словаре В. Даля в XIX веке слово «история» определяется так: «...слово, принятое от древних почти во все европейские языки, вообще в

знач. того, что было или есть, в противоположность сказке, басне; в тесном знач. бытописание, деписание, бытословие, деи, описание происшествий, повесть о событиях, о быте и жизни народов. <...> Слово история иногда знач. происшествие, приключение, случай, встреча, неприятность»^[1]

И в самом деле, представления о прошлом стали перерастать в историческое самосознание современного типа в период вестернизации России. «История Свейской войны» П. П. Шафирова, Ф. Прокоповича и других авторов была написана еще по античным и возрожденческим образцам. Первым русским историком Нового времени стал сподвижник Петра I Василий Никитич Татищев. Интересно, что мысль написать «Историю Российскую» пришла к нему в период создания по указанию Петра географической карты России, — мы уже говорили с вами о том, что представление об историческом труде как «карте прошлого» являлось отличительной чертой нововременного сознания. «История» Татищева была в значительной степени переложением (с сохранением языка и стиля) древнерусских летописей, однако автор руководствовался собственной схемой русской истории, основанной на

■ **Словарь русского языка XI–XVII вв.** Вып. 6 (зипун — январий). М.: Наука, 1979. С. 331

■ **Словарь русского языка XVIII века.** Вып. 9 (из — каста). СПб.: Наука, 1997

■ **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. Часть вторая. М., 1865. С. 680

↓ **Татищев Василий Никитич** (1686–1750) — российский государственный деятель, историк, географ и экономист, автор «Истории Российской», основатель Екатеринбурга и Перми, губернатор Астраханской губернии. Обучался инженерному и артиллерийскому делу в Германии, собирал материалы о новинках экономики, горного дела и политики в Швеции. Собирал экономико-географические сведения о Российской империи, а также разыскивал летописи, которые положил в основу своей «Истории».

убеждении, что самодержавное правление представляет собой лучший вариант для страны.

Еще в XVIII веке в центре споров об истории Руси была «норманнская теория», описывающая возникновение древнерусского государства вполне в духе модных в то время на Западе теорий завоевания. Было ли государство на Руси принесено варягами, или же оно было собственным изобретением русских? Этот спор напоминал (и, очевидно, возник не без влияния) дискуссии французских «романистов» с «германистами». 70-71

С середины XVIII века историописание (в заметной части усилиями приглашенных в Россию немецких ученых, в частности историков Ф. И. Миллера и А. Л. Шлецера, и русских авторов, таких как М. М. Щербатов) получило распространение в стране, но настоящий успех и слава первого историка России выпали на долю писателя-сентименталиста Н. М. Карамзина. В 1803 году он предложил молодому императору Александру I написать историю России и получил от него не только субсидию, но и официальную должность «историографа». Первые восемь томов «Истории государства Российского» были опубликованы в 1818 году и были прочитаны всем образованным обществом. Пушкин сказал, что Карамзин открыл русскую историю как Колумб Америку (снова уподобление истории географии!). Именно под пером Карамзина история России впервые была изложена последовательно, подробно и с литературным талантом, и именно он рассказал эту историю как историю государства. Такой взгляд на историю России закрепился в умах поколений россиян, несмотря на неоднократные попытки историков предложить другую версию нарратива.

Так, уже в начале 1830-х Н. А. Полевой опубликовал свой труд, полемически (по отношению к работе Карамзина) озаглавленный «История русского народа». Книга Полевого не добилась и доли того успеха, что пришел к Карамзину, но можно сказать, что именно с этого периода в России продолжается спор, кого считать главным субъектом исторического процесса — государство или народ.

Русское общество обернулось к российскому прошлому примерно в тот же период, когда это сделали народы других

стран Европы — в разгар господства романтизма. Наибольшую известность приобрели результаты исторической рефлексии П. Я. Чаадаева, заключившего, что русские «жили и сейчас еще жив[ут] для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам», и пришедшего к выводу, что у России нет истории.

К 1830-м годам относится и формулировка теории «официальной народности», принадлежащей министру народного просвещения графу Уварову (с ее знаменитой триадой «православие, самодержавие, народность»). В рамках этого, «охранительного», подхода история России должна была обходить страницы неприятного прошлого (по словам академика А. Н. Пыпина, ее, как и всю «народность», надо было трактовать под девизом «обстоит благополучно»). Наиболее полно такой взгляд на историю высказал шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф, считавший, что прошедшее, настоящее и будущее России должны описываться исключительно в положительных тонах. Показательно, что в формуле Бенкендорфа писаная история должна была включать в себя не только прошлое, но также настоящее и будущее.

В конце 1830-х годов (частично под влиянием «Философических писем» П. Я. Чаадаева) русская общественная мысль задавалась вопросом о соотношении западных и отечественных начал в истории России. Те, кто придерживался идеи о включенности страны в единый исторический процесс (с некоторым отставанием от Запада) и

 Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) — историк, писатель, журналист, редактор и переводчик, автор «Истории русского народа» в 6 томах, где, в русле европейского романтизма, выявлял «народное начало» в истории и реконструировал народные представления. Автор слова «журналистика».

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

А. С. Пушкин

Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно. Что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот... точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана.**

А. Х. Бенкендорф

* Эпиграмма А. С. Пушкина на труд Н. М. Карамзина (1818), цит. по: *Пушкин А. С. Собрание сочинений*: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 1 (Стихотворения 1814–1822). С. 66.

** Слова А. Х. Бенкендорфа, высказанные им (по-французски) в беседе с М. Ф. Орловым по поводу публикации первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Цит. по: *Жихарев М. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника* // *Вестник Европы*, Т. V. 1871, сент. С. 38.

писал о применимости в России социальных установлений, выработанных европейскими обществами, получили наименование западников, тогда как те, кто фокусировал свое внимание на отличительных сторонах русской истории и критиковал Запад, считая неприемлемыми для страны западные установления, стали называться славянофилами.

Профессионализация

В середине XIX века в России сформировалась история как университетская дисциплина, а труды российских историков в этот период были уже составной частью европейской науки.

В 1851 году вышел первый том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, составивший к окончанию проекта 29-томное издание. С Соловьева обычно начинают отсчет «государственной школы» в русской историографии, к которой также относят К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и В. И. Сергеевича. Государство, и в самом деле, оставалось в центре внимания С. М. Соловьева. Однако интересно, что в «Истории России с древнейших времен» появилось описание быта и нравов русского народа — в том томе, где речь зашла о реформах Петра, то есть там и тогда, где государство расширило область своего контроля над жизнью подданных и занялось регулировкой их быта и нравов.

Примерно в этот же период в России сформировалась и группа историков, занимавшихся историей Европы так успешно,

что их труды переводились и публиковались на Западе, а самих их знали там как «русскую историческую школу». Многие из них были учениками профессора истории Средних веков Московского университета Т. Н. Грановского и его преемника на этой кафедре В. И. Герье. Наиболее известными из них стали медиевист П. Г. Виноградов и специалист по новой истории Н. И. Кареев. Интерес российских историков к европейскому прошлому в последней четверти XIX века не случаен: Великие реформы Александра II стали толчком к ускорению общественного развития, и многие русские историки стали видеть в современной им Европе отражение будущего России, а ее прошлое сравнивали с российским настоящим. П. Виноградов говорил, что в России все еще являются злободневными те вопросы, которые в Западной Европе предоставлены антикварам. Историки сознательно связывали свои научные изыскания с политическими интересами, обуславливая ими выбор темы своего исследования. Показательно, что доминировавшая в то время позитивистская методология исторического познания не знала понятия «исследовательский вопрос», который в следующем веке будет наиболее часто рассматриваться как выражение политической позиции историка. Однако мы видим, что эта позиция может быть заявлена уже в выборе географии и хронологических рамок исследования.

После смерти С. М. Соловьева его кафедра в Московском университете перешла к В. О. Ключевскому, который прочитал, а затем опубликовал «Курс русской истории». Ключевский отказался от установок «государственной школы»; для него русская история была частью истории всеобщей. Работы Ключевского были близки к методологическим подходам историков-позитивистов, он искал закономерности в развитии человеческих обществ, выделив в итоге следующие «исторические силы», определявшие, по его мнению, историческое развитие: природу страны, физическую природу человека, личность и общество.

В Петербурге во второй половине XIX — начале XX века сформировалась группа историков, которую принято называть петербургской исторической школой. Наиболее известными ее представителями были К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Е. Пресняков,

С. Ф. Платонов, Н. П. Павлов-Сильванский и ведущий российский методолог истории А. С. Лаппо-Данилевский. Главным отличием петербургской школы было повышенное внимание к историческим источникам. Представители школы (А. Е. Пресняков) критиковали москвичей за приверженность к социологическим схемам и отбору источников в соответствии с выбранной теорией, а московские историки (П. Н. Милюков) упрекали петербуржцев в педантичном углублении в источники. Несмотря на некоторое соперничество, обе школы вывели российскую историческую науку на уровень передовых европейских ученых своего времени.

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) — российский историк, один из основоположников методологии исторической науки в России. Академик Петербургской академии наук, профессор Санкт-Петербургского университета, почетный доктор Кембриджского университета, один из учредителей и председатель Русского социологического общества, председатель Союза российских архивных деятелей. Автор ряда работ по истории России и истории мысли, в том числе «Методологии истории» (СПб., 1910–1913). Предложил рассматривать историческую науку как совокупность нескольких субдисциплин: теории исторического знания и методов исторического изучения, в свою очередь делящихся на методологию источниковедения и методологию исторического построения.

4 История в XX веке

Первые формулы презентизма

Представления об истории, сложившиеся к концу XIX века, стали рассыпаться в первой трети века XX. На рубеже веков рядом с политической историей утвердилось историческое экономическое и культурное, а потом и социальное. Оказалось, что одни и те же события, рассмотренные в контекстах политики, экономики и культуры, приводят к созданию разных исторических описаний прошлого. Понятие «факта», который можно однозначно перенести из прошлого в исторический труд, оказалось поставлено под сомнение. «Писаная история» перестала пониматься как тождественная истории, прожитой человечеством. Изменились представления и о социальной роли истории.

История — самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта. Она вызывает мечты, опьяняет народы, порождает в них ложные воспоминания, усугубляет их рефлексы, расстраивает в них старые язвы, смущает их покой, ведет к мании величия или преследования и делает нации ожесточившимися, спесивыми, невыносимыми и суетными."

Поль Валери

Современная история возникает непосредственно из жизни, оттуда же происходит и несовременная история, ибо очевидно, что лишь интерес к настоящему способен подвигнуть нас на исследование фактов минувшего: они входят в нынешнюю жизнь и откликаются на нынешние, а не былые интересы. <...> Всякая история есть современная история."

Бенедетто Кроче

* Валери П. Заметки о величии и упадке Европы // Валери П. Избранное. М.: Художественная литература, 1936. С. 289.

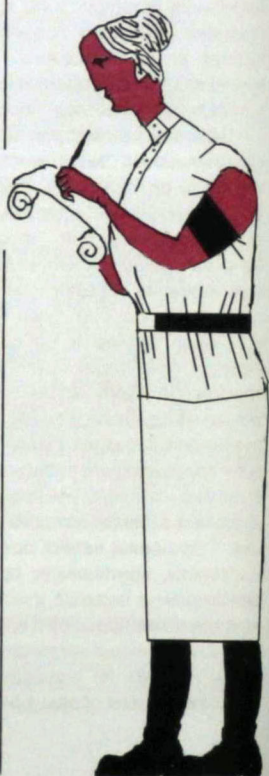
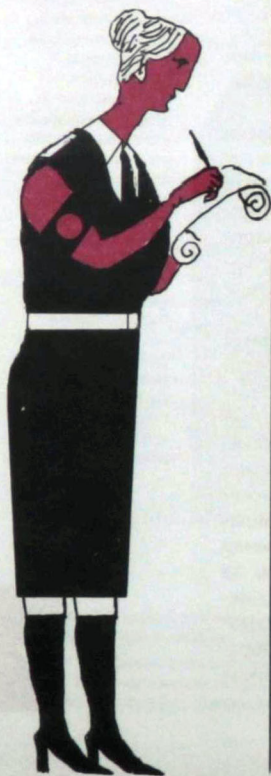
** Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 9. Американский историк Ч. О. Бирд цитировал мысль Кроче в такой форме: «История есть... современная мысль о прошлом».

Первая мировая война, в которой столкнулись европейские «национализмы», нанесла удар по представлениям об истории как «создателях нации»: эта работа уже не представлялась такой благородной, как это мыслилось на протяжении предыдущего века.

Вместе с этим выросла роль историка в написании истории: стало ясно, что от постановки историком вопроса зависел результат его исследования. Это открытие имело как методологическое значение, так и политические последствия.

Итальянский историк Бенедетто Кроче сформулировал зависимость истории от контекста ее написания — «всякая история есть современная история». В американской историографии второй четверти XX века сложилось направление, получившее название «презентизм». Его создатели, среди которых были Фредерик Тернер, Карл Беккер и Чарльз Остин Бирд (также считавшийся крупнейшей фигурой «прогрессистской» историографии), сознательно «подчинили прошлое настоящему» и вынесли в разряд своих методологических принципов «переписывание истории» в связи с изменениями политических и социальных взглядов каждого нового поколения. Сторонники четких оценок, например марксисты, критиковали презентистов за релятивизм в подходе к истории; по мнению критиков, прошлое в их трудах рисовалось как проекция настоящего, как воображаемый образ, не имеющий независимой от исследователя опоры в реальности.

■ Презентизм — исходно этим термином называли направление в методологии истории второй четверти XX века, которое рассматривало историю как выражение идеологических отношений современности. Был особенно развит в историографии США первой половины века; презентистские установки характерны и для ряда европейских ученых того периода, например Бенедетто Кроче. В последние годы XX века в представлениях об истории настоящее стало главным моментом, определяющим и подчиняющим себе прошлое и будущее — состояние, которое французский историк Франсуа Артог назвал историческим режимом презентизма.

История — заложница идеологии

Интересно заметить, что при общей негативной оценке презентизма, дававшейся советскими учеными, марксистская историография сама не была чужда презентистских подходов¹. Это не случайно. Хотя история служила политическим целям (таким как создание нации или утверждение превосходства консервативной либо либеральной идеи) на протяжении всего XIX века, именно в XX веке — сразу во многих странах — приобрело широкий характер политическое использование истории, фундаментом которого было подчинение прошлого интересам современности. Пример подали большевики.

В первые годы советской власти в России место истории в школах и университетах заняла упрощенная марксистская социологическая схема, разработанная учеником В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, ставшим ортодоксальным марксистом М. Н. Покровским.

В 1938 году ее сменил канон изучения отечественной и всемирной истории, заданный учебником «История ВКП(б). Краткий курс», который редактировал лично И. В. Сталин. Специальным постановлением ЦК ВКП(б) было установлено, что в учебнике дано «официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований»². В рамках жесткой догмы все причинно-следственные связи в истории представлялись уже заранее установленными, и надо было

¹ См.: Савельева И. М., Палетов А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии // *Цепь времен*: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Госполитиздат, 1954. Ч. 3. С. 316.

История – это политика,
опрокинутая в прошлое.

М. Н. Покровский

 Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – российский и советский историк-марксист, общественный и государственный деятель. Автор первого систематического исследования истории России с марксистских позиций – «Русской истории с древнейших времен» (1910–1913). С 1918 – замнаркома просвещения РСФСР. Возглавлял также Коммунистическую академию, Институт красной профессуры, Общество историков-марксистов, Центрархив, редактировал исторические журналы «Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов». Был инициатором т. н. «Академического дела», когда органами ОГПУ была арестована большая группа ученых-историков. В 1936 году ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, объявившее «историческую школу Покровского» ошибочной, его посмертно обвинили в «вульгарном социологизме», «антимарксизме», «антипатриотизме», «очернительстве истории России».

Покровский М. Н. Общественные науки за 10 лет // Вестник Коммунистической Академии. Кн. XXVI (2). М., 1928. С. 24

только найти конкретное историческое подтверждение готовых схем вульгаризованного марксизма. Догма задавала не только методологию исследования, но и его объект: особое внимание уделялось экономической истории, истории классов — крестьянства и рабочего класса, революционному и освободительному движению.

В этих условиях многие советские историки ушли в эмпирические исследования, работая в архивах и занимаясь выявлением новых данных и новых источников, но не предлагая их интерпретаций. Такая ситуация заморозила в практиках советских ученых позитивистские подходы, хотя во второй половине века с ослаблением идеологического контроля стали возможны и некоторые методологические прорывы, например в книгах философа и филолога М. Бахтина или семиолога Ю. Лотмана и их коллег. В Советский Союз проникали и новые подходы к исследованиям истории, в частности школа «Анналов» оказала заметное влияние на советских ученых последнего периода существования СССР; но в любом сочинении необходимо было хотя бы ритуально подчеркнуть верность марксистско-ленинской методологии исторического исследования.

Вместе с тем нельзя не отметить, что трагический опыт России XX века повлиял на постановку исследовательских вопросов российскими историками. Диалог с прошлым из трагической современности оказывался иногда удивительно плодотворным. Так, А. Эткинд в своей книге «Кривое

История исследует фундаментальные процессы изменений. Если у вас аллергия к таким процессам, вы отрицаете историю и находите приют в социальных науках. Сегодня расцвели антропология, социология и т. п. Но это означает, что наше общество нездорово.*

Эдвард Халлетт Карр

* Carr E. H. What is History? London: Random House, 1961. P. 171.

горе: Память о непогребенных» (М., 2016) считает возможным связывать проблематику работ М. Бахтина и Б. Романова с их опытом жизни в сталинском СССР.

В Германии времен нацизма вся история преподавалась с позиции расовой теории. Тамошние исторические институты и труды 1930-х годов жестко контролировались идеологическим ведомством, а история должна была иллюстрировать существование высших и низших рас, причем самой высшей изображались немцы, а самой низшей — евреи. Значительная часть немецких историков в это время эмигрировали из Германии и начали новую карьеру в Великобритании и США. Адольф Гитлер, став канцлером, откровенно заявил, что нацисты — «последние, кто делает историю в Германии»¹.

Итальянские историки времен фашизма должны были участвовать в прославлении Древнего Рима и эпохи Рисорджименто — объединения Италии в XIX веке, хотя режим и не накладывал на них таких строгих методологических пут. Правда, философ-марксист Антонио Грамши лишился за свои взгляды свободы, а потом и жизни.

Ущерб свободе исторических интерпретаций был нанесен холодной войной даже американской историографии, в которой в послевоенные годы доминировала «школа консенсуса»², отвергавшая любые сомнения в отношении западных социально-политических установок и духовных ценностей.

Цит. по: Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки: Журнал для медленного чтения. 2004. № 5 (20).

«Школа консенсуса» — направление в американской исторической науке конца 1940–60-х годов, основанное на представлении о том, что американское общество на протяжении своей истории придерживалось единого подхода к фундаментальным вопросам общественно-политического развития и характеризовалось отсутствием серьезных социально-политических конфликтов. Наиболее влиятельные представители школы — Луис Харц, Дэниел Бурстин, Ричард Хофстедтер и Артур Шлезингер мл.

Одним из результатов такого развития в середине XX века стала угроза утраты историей статуса научной дисциплины. Другие гуманитарные и социальные науки противопоставляли научный подход субъективизму, политизированности и описательности истории. В этот период, продолжавшийся в его «жестком» варианте до 1950-х годов, историческое знание в глазах общества потеряло свойство объективности. Равным доступом к нему, казалось, обладали все люди, обращающиеся к прошлому за аргументами, будь то писатели, журналисты или политики. Само существование особых исторических методик работы с прошлым подвергалось сомнению.

Новый подъем исторического знания начался в период, когда лингвистический поворот, постмодернизм и постколониальные исследования, казалось, сделали историю невозможной.

Школа «Анналов» и новая история

Но вернемся немного назад, в первую половину XX столетия, когда в странах, избежавших полного подчинения истории идеологии, формировались совершенно другие подходы к историческим исследованиям. Первым шагом к изменению методологических подходов стала деятельность французского философа Анри Берра (1863–1954), призвавшего историков к изучению всей полноты человеческой истории и продвигавшего эту программу в своем «Журнале исторического синтеза».

Наибольший вклад в переосмысление истории внесла группа французских историков, сложившаяся вокруг журнала «Анналы». Основатели и редакторы журнала Марк Блок и Люсьен Февр резко критиковали позитивистские подходы к изучению прошлого, выдвинув девиз — «История — проблема». Этот новый подход к историческому исследованию требовал от историка формулировки проблемы к моменту начала исследования и поиска источников в соответствии с поставленным вопросом. Круг возможных источников резко расширился: в трудах ученых школы «Анналов» это были не только официальные документы из

архивов, но и множество других письменных и неписьменных источников, в которых сохранились следы деятельности людей в прошлом. Еще одним результатом такого переосмысления содержания исторического исследования стало резкое усиление роли ученого в процессе познания истории.

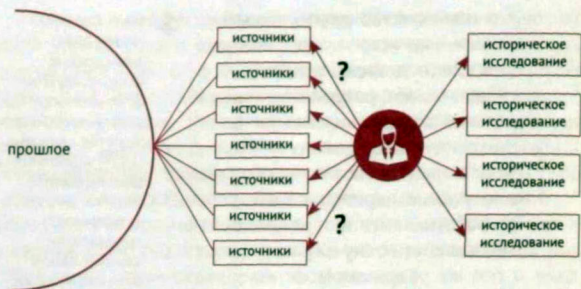
Отныне ученые перестали быть «техническими работниками» или ремесленниками, выполняющими одну и ту же работу с одним и тем же результатом: от историка стало зависеть, какую проблему он поставит, какой вопрос к источникам сформулирует и, таким образом, какую «историю» напишет. Эта перемена в статусе исследователя была частью более общего «антропологического поворота» в истории науки, когда ученый из наблюдателя становился частью наблюдения и эксперимента.

Аналогичные изменения в отношении к истории происходили в этот период в науке Великобритании, Соединенных Штатов, а после окончания Второй мировой войны — и в ФРГ. Для характеристики этих направлений часто используют собирательное понятие «новая историческая наука» — к ней относят все направления, противостоящие наследию позитивизма.

Школа «Анналов» пережила несколько методологических поворотов, которые обычно связывают со сменой поколений историков, руководивших и публиковавшихся в журнале. Остановимся лишь на нескольких из них, представляющихся наиболее важными в контексте нашего повествования.

Марк Блок (1886–1944) — французский историк, один из основателей (вместе с Люсьеном Февром) журнала «Анналы» (1929) и связанной с этим названием научной школы исторической методологии, ставшей самой влиятельной в XX веке. Автор трудов по истории феодальной Франции и книги «Апология истории, или Ремесло историка». Участник движения Сопротивления, расстрелян немцами.

Представления об истории в середине XX века (школа «Анналов», новая история). Историк — автор, от его вопроса к прошлому зависит, каков будет результат исторического исследования. История, изложенная в монографиях, не равна истории-прошлому.

Историки отказались от задачи воссоздания полноты прошлого в своих трудах. Вместо этого историками школы «Анналов» был предложен вариант исследования относительно небольших географически и хронологически элементов прошлого, к которым ученые подошли со всех возможных позиций. Такая история, включавшая политический, экономический, культурный и другие подходы с целью максимально всестороннего изучения небольшого объекта (который мог мыслиться как «модель»), получила название «тотальной истории». В идеале тотальной истории в конкретно-историческом исследовании преодолевался раскол исторической науки на разные направления.

Большое влияние на историческую науку оказала теория французского историка Фернана Броделя (1902–1985), лидера второго поколения школы «Анналов», считавшего событийную историю лишь рябью на поверхности действительно важных исторических структур. Всего же, с точки зрения Броделя, историю можно изучать на трех уровнях реальности: помимо событий, это рынки и другие «игры обмена», а также наиболее фундаментальные структуры общества, меняющиеся чрезвычайно

медленно. Для их изучения необходимо рассматривать прошлое на протяжении длительного времени, которое Бродель называл *longue durée*. Бунт против «событийной истории» оказался весьма заразительным: в последней трети XX века изучение событий (включая, например, всю политическую историю) представлялось историкам не заслуживающим большого внимания: «передний край» исторической науки проходил в других местах.

Однако исчезновение человека из схем «большой длительности» спровоцировало очередной переворот силами уже третьего поколения все той же школы «Анналов», прежде всего Жоржа Дюби и Жака ЛеГоффа, которые в 1970-е годы вернулись к исследованию человека с помощью программы изучения ментальности, представляющей собой анализ того, как люди разных эпох видели и понимали мир, включая их представления о жизни и смерти, добре и зле, жизненный уклад и прочие ориентиры, по которым они выстраивали свою жизнь.

Смежные дисциплины и историческая наука в XX веке

Если в XIX веке история была полем работы романистов, историков и философов истории, то в XX веке, как будто выполняя программу позитивистов, к ним добавились социологи, а затем антропологи, лингвисты, экономисты и представители всех наук об обществе и о человеке.

Идеи творившего в начале XX века Макса Вебера (1864–1920) оказали влияние на историческую науку позже, после Второй мировой войны, когда историками были «открыты» его теории, особенно концепции «идеальных типов» социальных явлений. Идеальный тип, по Веберу, формируется исследователем путем упрощения изучаемого социального явления с целью его типологизации. Методический инструмент идеального типа, предложенный Вебером, можно рассматривать как ответ Виндельбанду и Риккерт, интерпретировавшим историю как чисто описательную, идеографическую науку. В самом деле, идеальный тип позволяет рассматривать исторические явления как типичные и сравнимые, то есть открывает дорогу к формулированию закономерностей, выходящих за рамки простого описания.

В другой своей работе — «Протестантская этика и дух капитализма» — Вебер доказывал, что перемены в способе ведения хозяйства были предопределены изменениями в этике, привнесенными Реформацией; тем самым он оспаривал ключевое положение марксистской теории о первичности способа производства по сравнению с идейной «надстройкой», к которой марксисты относили религию¹.

Еще один мыслитель, оказавший влияние на представление людей середины XX века об истории, — английский философ Р. Дж. Коллингвуд (1889–1943), автор книги «Идея истории», в которой он последовательно отстаивал принципы научного исторического исследования в противовес «истории ножиц и клея» (то есть позитивистскому представлению о том, что историку достаточно собрать связанное повествование из добытых в архиве фактов); подчеркивая невозможность изучения истории в той же форме, в какой люди изучают природу, Коллингвуд считал необходимым использовать «историческое воображение» для понимания способов мышления людей прошлых эпох. Кроме того, английский философ одним из первых обратил внимание на необходимость изучения самой исторической науки.

Количественный рост исторической науки продолжался на протяжении всего XX века — новые направления исследований вырастали из расширения предмета и методологии работы, вве-

дения в оборот новых видов источников. Так появились, например, интеллектуальная история, устная история, клиометрия. Наиболее разнообразной оказывалась социальная история в трудах своих приверженцев, в некоторых случаях претендуя на статус главной науки об обществе, а в других сосредоточиваясь на изучении строго ограниченных социальных групп и вариантов социального взаимодействия. Важными чертами «новой исторической науки» к последней трети прошлого века стали междисциплинарный характер исторических исследований, использующий понятийный аппарат социальных и гуманитарных наук, расширение исследовательского инструментария, включающего компаративистские подходы, устную историю и количественные методы, а также появление новых дисциплин — новой экономической истории, новой социальной истории, исторической антропологии, новой демографической истории, гендерной истории, в центре которых находилась проблематика «человека в обществе».

Несколько взаимосвязанных интеллектуальных поворотов в гуманитарных науках, произошедших в последней трети XX века, так или иначе оказали влияние на историческую науку. Новые подходы формировались среди прочего в работах Мишеля Фуко — в рамках лингвистического поворота, постмодернизма и развития постколониальных исследований.

Пожалуй, можно сказать, что Мишель Фуко оказал на современное представление об обществе влияние, сравнимое с

Некоторые из утверждений М. Вебера не нашли подтверждения в конкретных трудах последующих исследователей, но предложенные им концептуальные подходы к изучению социальной реальности оказали заметное влияние на историческую науку.

Клиометрия — направление в исторической науке, опирающееся на систематическое применение количественных методов.

Карлом Марксом, — в конце прошлого века болезненное переосмысление собственных оснований пришлось пережить всем социальным наукам.

Фуко революционизировал гуманитарную науку несколько раз на протяжении своей жизни; нельзя не упомянуть по меньшей мере два предложенных им подхода — археологический и генеалогический. В опубликованной в 1966 году книге «Слова и вещи» Фуко разработал археологию гуманитарных наук, показав, как сформировавшиеся в XIX веке модели биологии, экономики и филологии послужили основами для психологии, социологии и лингвистики и как в процессе этого перехода человек превратился в объект познания. В 1975 году Фуко опубликовал книгу «Надзирать и наказывать», в которой представил генеалогический метод; автор показал, как на рубеже XVIII–XIX веков возник новый тип власти, опирающийся на дисциплинирующие технологии и учреждения и нормативные гуманитарные науки. Эта новая — «биополитическая» — власть проникает в те области, которые ранее были закрыты от нее, и знаменует переход к дисциплинарному обществу. Новая исследовательская оптика не только предложила историкам новый инструментарий исследования, но и породила рефлексии о роли самой исторической науки в изменившихся исторических условиях.

Развитие направления, которое обобщенно называют «постколониальными исследованиями», началось с публикации упомянутого выше «Ориентализма» Э. В. Саида 19, но опиралось на более ранние тексты Антонио Грамши и Вальтера Беньямина. Важнейший посыл постколониальных исследований — мысль о том, что любое знание имеет политические последствия. С точки зрения исторического знания наиболее революционно оказалось то, что Грамши и Беньямин потребовали дать слово истории подчиненных, угнетенных и проигравших групп общества. Грамши писал о культурной гегемонии как о власти, дополняющей власть насилия. Беньямин в неоконченной работе «О понятии истории» критиковал историзм, который, по его мнению, представляет собой апологию прошлого. Он утверждал, что риторика объективности историзма на деле служит

Так как история — это поток, в который нельзя вступить дважды, то даже отдельный историк, работая над определенным предметом в течение какого-то времени, обнаруживает, когда он пытается вернуться к старой проблеме, что сама проблема изменилась.*

Робин Дж. Коллингвуд

господствующему классу: любой образ прошлого всегда вписан в какую-либо конфигурацию власти. Соответственно, проигравшие и подчиненные группы общества — внутри страны или географически удаленные (жители колоний — отсюда термин, определяющий все направление) — не имеют истории.

Важной для изменения понимания роли историка в современном обществе была концепция Ролана Барта о «смерти автора»¹. Применительно к историописанию она означала, что каждый отдельный историк задает вопросы материалу прошлого не только «от своего имени»: своими интересами, своим языком и своей системой ценностей историк связан с собственным обществом. На смену «антропологическому повороту», возвысившему ученого-историка из ремесленника до творца истории, пришло представление о том, что личность самого историка есть лишь узел в плотной социальной ткани, в пересечении множества нитей опыта, знания, влияний и интересов, и, следовательно, историческое исследование ведется им «от имени» современного общества: вопросы историка диктует его современность.

В этом смысле историк больше не является «автором» исторического труда в возрожденческом смысле; он не свободный и независимый субъект, стоящий над обществом, а узелок социальной ткани; его обращение к проблемам своей науки может быть легко описано в средневековых терминах: историк — такой же мастерок или кисть, каким воображал себя средневековый мастер, но не в руке бога. Любой ученый лишь своего рода инструмент, которым *современное ему общество* взаимодействует с прошлым.

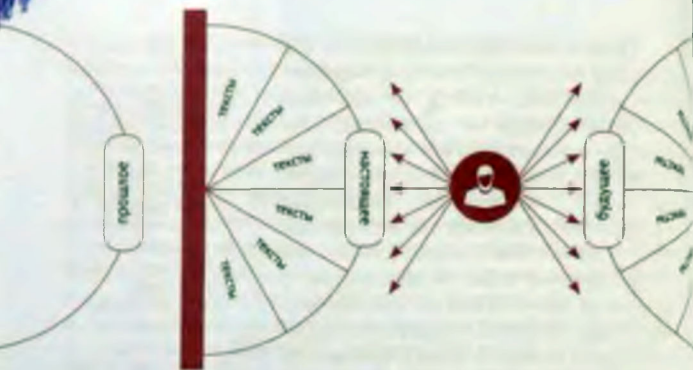
Лингвистический поворот означал претензию науки о языке стать универсальным способом объяснения социальной реальности. Одним из самых влиятельных направлений внутри этого поворота стал социальный конструктивизм, который убедительно доказывал, что мы знаем мир таким, каким его описывает наш язык, и что «система координат», с помощью которой человек ориентируется в жизни, включающая набор доступных ему понятий, систему ценностей и способы решения проблем, является продуктом социального конструирования реальности, закрепленным в языковой картине мира.

Однако наиболее революционный шаг совершил в начале 1970-х годов американский ученый Хейден Уайт. Он рассмотрел исторические труды как разновидность литературы и обнаружил в них жанровые особенности и приемы литературных произведений. В исторической монографии, указывал Уайт, существует та же структура, что и в романе или комедии, трагедии или сатире, со своей завязкой, кульминацией и развязкой; однако сюжет, который мы находим в труде историка, — характеристика литературы, а не жизни. Таким образом, историки вписывают сюжет в историю, превращая ее в литературу. Схему Уайта и его «теорию тропов» критиковали за чрезмерное усложнение, однако огромное воздействие этой работы на понимание исторического текста как литературного произведения, которое можно и нужно оценивать как литературное произведение, невозможно отрицать.

Именно это открытие Уайта пролило неожиданный свет и на начало истории как области общественного сознания: мы уже обращали внимание на то, что первые исторические произведения были историями войн; именно в войнах сама обществен-

В эссе 1967 года «Смерть автора» французский философ и литературный критик Ролан Барт оспаривал метод литературной критики, основанный на изучении личности автора, настаивая на том, что текст является «тканью из цитат», взятых из «бесчисленных центров культуры», а не из индивидуального опыта автора. Читатели художественного текста не расшифровывают единственный смысл, заложенный в него автором, а распутывают многомерное пространство возможных толкований. Эссе оказало большое влияние на постструктурализм и континентальную философию последней трети XX века.

Хейден Уайт (род. в 1928) — американский историк, автор «Метаистории» (1973) — одной из наиболее влиятельных книг, с которой связывают начало лингвистического поворота, или постмодернистской исторической науки. Уайт показал, что литературная форма научной исторической монографии оказывает влияние на результат исторического исследования. Был активистом в период студенческих волнений конца 1960-х — начала 1970-х годов, в 1972 году выиграл суд против полицейского департамента Лос-Анджелеса, после чего полиции было запрещено использовать осведомителей в студенческой среде.

Представления об истории в конце XX века (под влиянием постмодернизма и лингвистического поворота). Прошлое недоступно, историк изучает тексты и на их основании создает новые тексты; целью этой работы является борьба за будущее

ная практика уже структурировала «сюжет» со своим началом, кульминацией и окончанием.

Хейден Уайт сомневался в научности истории, но в его книге был впервые четко заявлен важный тезис: исторические тексты (как и любые тексты об обществе и человеке) создаются для того, чтобы влиять на будущее, и, следовательно, именно будущее является конечной целью работы историков¹.

Постмодернистские критики продолжали переворачивать классическую схему исторического познания, доказывая, что прошлое недоступно для современных исследователей, что то, что они на самом деле изучают, — древние тексты (они же — «источники» в более привычной историкам терминологии). Есть ли за этими текстами что-то еще — доказать невозможно, а значит, историки, как и все гуманитарии, занимаются обработкой одних текстов для создания других, а не изучением недоступного «прошлого». Еще один видный историк-постмодернист Фрэнк Анкерсмит иронически вопрошал в одной из своих работ, по-

чему историки средневековья готовы писать труды о положении средневековой женщины, но не пишут работ о единорогах, — ведь в письменных источниках той эпохи единороги и женщины встречаются со сравнимой частотой и описаны с одинаковой степенью реализма. *Историческая наука*

Большая часть историков встретила постмодернистскую критику своей профессии в штыки, но вынуждена была искать ответы на нее и развивать теорию своей отрасли знаний. В этот же период появление разных масштабов исследования — от микроистории до *longue durée* (истории большой длительности) **104-105** — разных методологических подходов и разных областей исследования — от интеллектуальной истории до истории бизнеса и от клиометрии до антропологических подходов к прошлому — привело к новому количественному росту исторической науки, сопряженному с представлениями о распаде ее единого поля. Именно из этого кризиса в начале XXI века вырастает обновленная историческая наука и новые категории вопросов, поиск ответов на которые становится ее важной частью.

Чтобы лучше понять эту мысль, можно вспомнить споры, не утихающие вокруг учебников истории: слишком многие считают, что обучение истории означает прежде всего воспитание новых поколений в нужной идейной обработке. Это наиболее очевидный пример представления об истории как о материале для формирования будущего. Любопытную разницу в понимании истории демонстрирует отношение к ней президентов России Б. Н. Ельцина и В. В. Путина: если первый интересовался у ученых-историков, что «о нас» скажут историки будущего, то второй инструктировал историков, что им надо писать о прошлом.

Анкерсмит Ф. Р.
Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 142–163.

Микроистория — направление в исторической науке, фокус которого сосредоточен на объекте малого масштаба — семье, деревне, небольшой социальной группе — с целью изучения повседневности, а также образа жизни и мыслей людей прошлого. Микроистория сформировалась на рубеже 1960–70-х годов в работах итальянских историков Карло Гинзбурга, Дж. Леви и ряда других. Ее воспринимают как реакцию на социологизированную историю структур, приобретшую влияние в предшествующий период, и считают одним из вариантов «новой исторической науки».

iii. настоящее истории

Граница «настоящего» истории также зыбка, как и любая граница между прошлым и настоящим, — в разных ракурсах ее можно провести и по «лингвистическому повороту» (начало которого тоже трактуется по-разному), и по созданию «школы Анналов», и по множеству других серьезных методологических поворотов. Представляется возможным обозначить границей и развитие нового поля — «исследований памяти», — бросившего вызов историческому вопрошанию в его работе с прошлым, а также установление режима «презентизма», описанного Ф. Артогом. Если презентизм первой половины XX века исходил из того, что историки ищут в прошлом актуальность настоящего, то новый презентизм перевернул и эту картину: новое поколение историков изучает прошлое в настоящем. Думаю, можно определить этот новый этап, выйдя за рамки методологии исторической науки: в последнее десятилетие (примерно со второй половины первого десятилетия нового века) мы наблюдаем заметные изменения в отношениях людей с прошлым.

Эти изменения связаны и с уходом поколения людей, переживших «последнюю катастрофу», по определению французского историка Анри Руссо¹, — Вторую мировую войну, и с началом «войн памяти» в Центральной и Восточной Европе, и с институционализацией «исторической политики» во многих странах региона. В этот период резко возрос интерес людей к личной и семейной истории, а место самого интересного периода прошлого — периода, постоянно присутствующего в историческом дискурсе, — занял XX век. Как показывает Руссо, в конце века резко увеличилось количество публикаций по истории по-

следних десятилетий – вместе с падением интереса ко всей предшествующей истории. Специалисты-историки не только в России, но и в Европе тревожатся из-за закрытия и сокращения центров изучения древней истории, в то время как повсеместно множатся институты по изучению истории XX века. Дело не только в том, что это самая «недавняя» история, – сравните: в период романтизма в начале XIX века наибольший интерес вызывала история Средних веков, – то есть то прошлое, с которым человечество уже уверенно распрощалось.

Важнейшая особенность нынешнего периода – повышенная роль настоящего в обращении к истории, распространение взглядов на подчиненное положение истории по отношению к сегодняшним политическим и социальным задачам. В результате споров на эту тему, в которые вовлечена значительная часть профессиональных историков в России, Европе и Америке, формируется и новое представление о значении термина «история».

Одно из отличий современности от прошлого заключается в присутствии индивидуальной памяти людей, живших в эту эпоху. В результате любые исследования недавнего прошлого получают дополнительный ресурс устной истории, но зато никакие результаты научного исследования или политической пропаганды на исторической почве не воспринимаются как авторитетные: люди сравнивают эти тексты со своим опытом, каким бы он ни был, и от-

Rousso H. The Latest Catastrophe. History, the Present, the Contemporary / transl. from French.

вергают обобщения, в которые этот опыт не
укладывается. Оказалось, что далеким про-
шлым легче манипулировать и его легче
анализировать – в споре о нем сопернича-
ют между собой только тексты, речь идет о
коррекции социальной памяти. Близкое
прошлое включает личную (пусть даже
ошибочную) память, и тексты проигрывают
ей сражение. С уходом свидетелей наступат
е время манипуляции прошлым.

В исторической науке все виды – про-
фессионального и непрофессионального –
обращения общества к собственной исто-
рии принято относить к сфере исторического
сознания. Для анализа ситуации может по-
дойти также парадигма «исторической куль-
туры», развиваемая в последние годы рядом
историков¹. Больше того, анализ историче-
ской культуры современного российского
общества поможет нам лучше понять и вну-
тренние взаимосвязи исторической культу-
ры других эпох и стран.

Итак, в этой части я предлагаю обсу-
дить современное состояние истории –
истории как части общественного сознания
и истории как науки.

В историческую культуру общества включают способы социального
производства исторического опыта и формы его манифестации в жизни
сообществ – то есть совокупность восприятий, представлений, суждений
и мнений относительно событий, личностей и явлений прошлого, все
формы их конструирования, фиксации, трансляции и функционирования
(от научных до художественных и быденных). Историческая культура в
этом контексте выступает как артикуляция исторического сознания
общества. См., в частности: Репина Л. П. Историческая культура как
предмет исследования // История и память: историческая культура
Европы до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ,
2006; Тишков В. А. Новая историческая культура. М.: Изд-во МГОУ, 2011.

Какая-то

Х430

с

ЗощаГот.

1 История в современном обществе

Исчезновение дистанции между сегодня и вчера

В конце XX века два больших эпизода в спорах о прошлом показали, что представление об истории требует серьезной корректировки. Любопытно, что в одном из этих сюжетов сама постмодернистская история оказалась разновидностью той «исторической классики», против которой постмодернисты поднимали бунт.

Книга Биньямина Вилькомирского под названием «Осколки: воспоминания военного детства» была опубликована в 1995 году и вызвала шквал похвал. Это были обрывочные воспоминания ребенка, попавшего в Майданек и Освенцим и чудом там выжившего. В 1998 году журналисты обнаружили, что автор книги (которого на самом деле звали Бруно Грожан (Досекер)) в действительности провел свое раннее детство в нейтральной Швейцарии и, очевидно, выдумал свои мемуары. Интересно, что для постмодернистской историографии, считающей прошлое принципиально недоступным, а потому не придающей значения подлинности источников (текст важен сам по себе, а не как свидетельство чего-то, к чему мы не имеем прямого доступа), оказалось тем не менее сложным приравнять книгу Вилькомирского к свидетельствам Анны Франк или Примо Леви.

Однако самым важным в этом конфликте оказалась не реабилитация прошлого, а демонстрация того, что прошлое и настоящее неразделимы: спорная книга была важна одновременно как свидетельство и как современный документ, и только в контексте подъема исторической памяти ее значение вышло за рамки проблемы фальсификации источников.

К этому же периоду относится и самый серьезный конфликт между историками по поводу значения их исторических построений. Речь идет о так называемом «споре историков» в Германии в 1986–87 годах. Зачинщиком дискуссии выступил историк Эрнст Нольте, его главным оппонентом — философ Юрген Хабермас. Проблемы, обсуждавшиеся на страницах ведущих немецких газет (а не в малотиражной профессиональной печати) включали во-

просы об уникальности нацистских преступлений, о связи нацизма с развитием немецкого общества или внешним воздействием на Германию и об ответственности потомков за дела предков. (Нольте утверждал, что Освенцим последовал за ГУЛАГом, коммунизм и нацизм вполне сравнимы, а нападение Германии на СССР было превентивной войной.)

Фактически это был спор о значении национал-социалистического прошлого для настоящего Германии, и он «ложился» в контекст попыток частичной реабилитации нацистского прошлого, продвигавшихся в то время рядом западногерманских политиков. Хабермас и другие ведущие немецкие интеллектуалы дали резкий отпор ревизионисту Нольте, а вместе с ним и политикам-реваншистам. Хабермаса считают победителем в этом споре, а Нольте в результате стал практически изгоем в университетской среде — его перестали приглашать для проведения лекций. Важным результатом «спора историков» стало и то, что в оценке всего времени правления Гитлера ведущее место заняла проблема холокоста, а не захват фашистами власти и развязывание ими Второй мировой войны.

Вместе с тем «спор историков» может быть интерпретирован и как столкновение классической истории, которая нуждается в дистанции с прошлым, с новым представлением об истории, в котором доминируют задачи памяти, а современность и прошлое нераздельны. Нольте в этом контексте предлагал «всего лишь» дистанцироваться от нацистской Германии и начать изучать ее.

У этой истории есть еще одна сторона. Бруно Доссекер и после разоблачения продолжал утверждать, что он опубликовал воспоминания своего раннего детства, что он действительно это помнит, а его документы, видимо, были подменены позднее. Таким образом, этот случай показывает и границы индивидуальной и «наведенной» памяти, и возможности полагаться на них в историческом исследовании.

Геймбо

как это делала с прошлым традиционная история. Резкая реакция на его предложения показала, что такое дистанцирование стало принципиально невозможным, по меньшей мере для трагических сюжетов XX века.

Наконец, еще один сюжет связан с изменением системы ценностей общества. Мы уже говорили о том, что различие между современной моралью и этическими нормами прошлого — одна из форм поддержания «разницы потенциалов», необходимых для исторического суждения. Однако и в этой области появился общественный запрос, замыкающий прошлое на настоящее.

В результате эволюции моральных норм многие герои прошлого оказались с сегодняшней точки зрения расистами, антисемитами, рабовладельцами, сексистами, а то и просто массовыми убийцами. В 2015–16 годах сначала в Южной Африке, а затем и в Англии развернулось движение "Rodes Must Fall" («Родс должен пасть»), требующее убрать памятники и уничтожить иную коммеморацию Сесилия Родса, британского колониального деятеля конца XIX века. Участники движения видят в Родсе империалиста и расиста и считают неприемлемым, что и по сей день сохранились его памятники и названные его именем аудитории. В США в последние годы появились свои антигерои: недавно в Принстоне студенты потребовали переименовать здание, названное в честь Вудро Вильсона, бывшего президента университета и президента США, — потому что он был расистом. В нескольких университетах студенты выражали недовольство и коммеморацией Томаса Джефферсона, автора Декларации независимости, третьего президента США и рабовладельца.

Спор историков, скандал вокруг «Осколков» Вилькомирского и разрушение коммеморации вчерашним героям становятся понятнее, если смотреть на все это сквозь призму набравшего силу в последние десятилетия — прежде всего во французской историографии — совершенно нового подхода к истории. Его часто рассматривают как составную часть обширного поля «исследований памяти»; и он, в самом деле, использует «память» как одно из центральных понятий, однако его дисциплинарная принадлежность именно к истории, а не

к исследованиям культуры тоже очевидна. Лидером этого направления стал Пьер Нора — французский историк, автор концепции «мест памяти» (*lieux de mémoire*) и редактор многотомного коллективного труда под этим заголовком, в котором множество историков собрали и описали французские «места памяти». Сам Нора противопоставлял память и историю, но его работы способствовали включению проблематики памяти в исследование современной истории и корректировке представлений о том, где расположен фокус исторического исследования: надо искать не настоящее в прошлом, а прошлое в настоящем. Сам Нора артикулировал свою позицию именно как историка настоящего.

Исследование прошлого в настоящем стало одним из признаков нового презентизма — ситуации, сложившейся в последние десятилетия в общественном сознании, сосредоточенном на настоящем в ущерб прошлому и будущему. В рамках этого подхода диалог настоящего с прошлым уже не выглядит адекватной метафорой истории.

В современном обществе история во все не переложена исключительно на плечи профессионалов-историков. Ни одна другая наука не удостоивается такого внимания общества, нигде споры о том, что формально остается объектом изучения научной дисциплины, не превращаются в политические и общественные дебаты с серьезными последствиями. Именно поэтому начнем с важнейшего вопроса, давшего название следующему разделу.

Пьер Нора (р. 1931) — французский историк, автор концепции «мест памяти» (*lieux de mémoire*) и редактор многотомного издания под этим заголовком, а также работы «Переосмысление Франции» (в 4 т.), один из основателей ведущего французского интеллектуального журнала "Le Débat", президент ассоциации «За свободу истории» ("Liberté pour l'histoire").

Работа Нора парадоксальным образом (вопреки методологическому противопоставлению истории и памяти) стала вкладом историков в укрепление национального мифа, за что подверглась критике многих исследователей.

2 Кто владеет историей?

Бизнес?

Для начала давайте поговорим о месте исторического знания в современности. В обществе XXI века оно стоит перед вызовами со стороны мощных социальных сил, использующих прошлое в качестве одного из ресурсов своей легитимности, идентичности или дохода.

Первую большую группу людей, пытающихся использовать прошлое, я бы назвал «бизнесменами от истории». Среди них есть и профессиональные политики, но их цели обращения к истории сводятся к монетизации наследия. Это, например, люди, которые хотят зарабатывать на туризме и которые хотели бы, чтобы историки красиво оформили туристическую привлекательность города. Поиск денег, которые придут вслед за красиво поданным прошлым, необязательно связан с туризмом. Местные руководители хотят приукрасить или «правильно подать» историю, чтобы стать участниками федеральной целевой программы или просто добиться выделения дополнительных средств на ремонт и украшение своего города к юбилейной дате. Региональные руководители создают центры патриотического воспитания в городах-героях, чтобы привлечь федеральное финансирование к прославлению прошлого. Дорогостоящее кинопроизводство использует исторические сюжеты или мифы, приукрашивая их в целях привлечения зрителей в кинотеатры. Словом, «исторические бизнесмены» требуют от историков обоснования того, почему в регион, город или территорию надо вкладывать **деньги** .

В «историческом бизнесе» особенно много псевдоистории, потому что для зарабатывания денег обычно неважно, происходило ли на самом деле какое-то событие, имели ли место или сюжет реальное историческое значение; поэтому в этой области много «заказного» мифотворчества.

Историки считают такое использование истории сомнительным, но бизнес легко готов заменить профессионалов специалистами по пиару, отказав ученым в праве контролировать

исторический дискурс. Именно поэтому в последнее время в университетах появляется специализация по «публичной истории» : профессионалы пытаются взять в свои руки все более широко распространяющийся «исторический бизнес».

Государство?

Наиболее серьезные права на «владение» историей традиционно заявляет государство, которое рассматривает историков как особого рода пропагандистов – в парадигме истории позапрошлого века, когда историки помогали создавать нацию. Задача сплочения нации через поиск героического прошлого и общего горя, создания пантеона героев и списка предателей была актуальной в период национального строительства. Историки занимались такой работой, например, в Германии времен Бисмарка. Конечно же, часть историков занимается чем-то похожим и сегодня, но такая деятельность далека от современных представлений об истории и исторической науке. Сегодняшние историки пишут об этих процессах как о создании «мифа основания» (*foundation story, origin myth*) и деконструируют формирование наций. В этом одна из причин конфликтов между государственными чиновниками, требующими защитить «правильные мифы», и историками, показывающими шаткость их фундамента.

Контроль над содержанием школьных учебников истории и установкой памятни-

 Публичная история – область знания и практики, связанная с бытованием прошлого в публичной сфере. Специалисты публичной истории осуществляют перевод исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций и работают над представлением его в формах, предназначенных для широкой публики, таких как музеи, памятники, ритуалы памятных дней и исторических праздников, а также исторические романы, кинофильмы, научно-популярные тексты и деятельность «реконструкторов». В США и ряде стран Западной Европы публичная история уже сложилась как самостоятельная академическая дисциплина и профессия.

См. книгу
«Деньги»
серии «Азбука
понятий»

ков — «мемориальной пропагандой» — чаще всего осуществляет именно государство. Учебникам предписано воспитывать патриотизм, а мемориалам — славить подвиги предков. В США содержание учебных программ по истории контролируется выборными советами по образованию крупных штатов (а издательства подстраивают содержание учебников под эти программы), а в большинстве стран Европы школьная программа по истории прямо или опосредованно контролируется министерствами образования.

Во многих странах содержание учебников истории и национальных исторических музеев является предметом политической борьбы. Так, например, в США в 2010 году совет по образованию штата Техас исключил из учебного стандарта пункт о влиянии идей Томаса Джефферсона на революционное движение в Европе (заменив его на Фому Аквинского и Дж. Кальвина), правительство Чили после победы на выборах правоцентристов в 2011 году распорядилось изменить в учебниках характеристику времени правления А. Пиночета с «диктатуры» на «военный режим», а в Канаде консервативное правительство С. Харпера переименовало «Музей цивилизаций» в «Музей канадской истории» и потребовало изменить экспозицию на более «политическую».

В России также в первые два десятилетия XXI века не раз вспыхивали конфликты по поводу содержания учебников истории.

Политики?

Не только государство пытается использовать историков как пропагандистов. Многие политики хотели бы использовать историю как своего рода идеологию. Обращение к прошлому помогает формировать идентичность, которая может быть не только общенациональной (удобной государству), но также и региональной, этнической — любой групповой.

Если «историческим бизнесменам» история важна для привлечения финансовых потоков, то политикам в борьбе за групповую идентичность важно застолбить себе место не только на

территории, но и во времени. Именно поэтому они пытаются продлить связывающие группу основания либо в будущее (это случай групп, скрепленных идеалами), либо в прошлое. Во втором случае без истории не обойтись.

В США «групповые» истории существуют у женщин, афроамериканцев, этнических групп — и они преподаются в университетах. Если еще в начале XX века историей обладали народы и государства, то во второй половине прошлого века на собственное место в истории притязали расовые и национальные меньшинства, отдельные регионы и села, женщины и ЛГБТ-сообщество, угнетенные слои общества и отдельные семьи. Ранее молчаливые социальные группы начали обретать субъектность, и вот уже в американской историографии появились «женская история» и «история афроамериканцев», а европейские историки начали активно разрабатывать различные варианты историй регионов, не совпадающих с государственными границами. Монополия государства на «вопросание», на обладание историей пала.

В случае США государство само стало проводником «дробления» исторического нарратива, вводя по требованию меньшинств изучение их наследия в школьную программу. Так, например, в Калифорнии в 2011 году через законодательное собрание штата прошел закон, требующий преподавать в общественных школах исторические достижения представителей ЛГБТ-сообщества. В России речь идет пре-

жде всего о региональном историописании, которое в некоторых важных сюжетах расходится с «москвоцентричной» историей. Запрос на такие версии истории — подведение фундамента под идентификацию социальной группы, и в этом смысле он является политическим. Помимо заинтересованности элит, во многих регионах существует собственная травма, как правило, связанная с историей их отношений с центральной властью или с соседями. Это может быть память о несправедливостях национальной политики, о «расказачивании» или об экологических катастрофах и утрате предметов местной материальной культуры. Новгород, Сибирь, Татарстан или Северный Кавказ в разные эпохи имели сложные отношения с Москвой, что делает трудной задачей поддержание баланса между общероссийским и местным нарративом в региональном историческом сознании.

Сосуществование разных «историй» неминуемо ведет к конфликтам, более или менее артикулированным. Президент России (в тот момент) Д. А. Медведев отмечал в 2011 году опасность «фрагментарного восприятия истории» и сокрушался, что «после такой достаточно четкой позиции, которой придерживались историки в советский период, история стала разваливаться на куски»¹. «История политиков» нуждается в «цельных» интерпретациях, годных на выстраивание национальных нарративов, и то, что воспринималось как кризис исторической науки, повлекло за собой кризис и в «исторической политике». О недопущении конфликтов внутри страны говорил и президент В. В. Путин, когда в 2013 году выдвигал идею «единого учебника истории». Историки как профессиональное сообщество резко критически отнеслись к этой инициативе, после чего государство ограничилось утверждением единого «историко-культурного стандарта» школьного образования.

Конфликты по поводу разных трактовок истории существуют и на международном уровне. Так, в январе 2014 года министерство просвещения и науки Японии пересмотрело правила утверждения школьных учебников, потребовав, чтобы описание новой и современной истории в учебниках соответствовало позиции правительства страны. Возмущение по этому

поводу высказало правительство Китая, критикующее правящую либерально-демократическую партию Японии за то, что китайцы считают укрывательством преступлений японской армии в середине прошлого века.

В отношениях между Россией и бывшими республиками Советского Союза, а также бывшими странами социалистического лагеря обсуждалось и обсуждается множество противоречий в трактовках общей истории, будь то голодомор и оценка движения украинских националистов, пакт Молотова–Риббентропа или освобождение Европы Красной армией. С разных сторон истории принимали участие в построении новых нарративов, но до конфликта это дело доводили политики.

Есть и другое измерение в конфликте истории и политики. В России термины, которыми описывается политическая реальность, использовали не по назначению так долго, что слова «либерал», «демократия» или «суверенитет» могут означать в речах политиков совершенно разные и далекие от их первоначального терминологического смысла понятия. Незрелость политической сферы и скудость политического языка привели к тому, что языком публичного разговора о политике стала история — отношение к Сталину или к распаду СССР является лучшим маркером политических взглядов, чем ярлык «либерала» или «консерватора», а свои политические решения руководители государства объясняют тысячелетней историей страны.

Д. Медведев и В. Путин. Встреча с пенсионерами и ветеранами.
17 ноября 2011 года
(<http://kremlin.ru/news/13555>).

См. книгу
«Демократия»
серии «Азбука
понятий»

В этой ситуации профессиональный исторический текст воспринимается как разновидность политического заявления, и историки воспринимают как политиков в то время, когда они занимаются собственным исследовательским полем.

Мемориальные законы

Наиболее резкая форма политического ограничения исторического диалога — законодательная. Мы уже упоминали принятые в некоторых европейских странах так называемые мемориальные законы, запрещающие отрицание холокоста, а также геноцида армян в 1915 году, осуждающие рабство и работорговлю, а также, например, режим Франсиско Франко в Испании. Есть, с другой стороны, довольно много стран, где возможность принятия подобных законов обсуждалась, но не была осуществлена, потому что законодатели решили, что это было бы нарушением свободы слова.

В России в мае 2014 года вступил в силу собственный мемориальный закон, который добавил в Уголовный кодекс Российской Федерации статью 354.1 «Реабилитация нацизма», делающую уголовно наказуемым «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Закон также признает отягчающим обстоятельством «искусственное создание доказательств обвинения» и считает преступлением «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично».

Одним из аргументов, использованных авторами, является наличие мемориальных законов в странах Европы. Надо, правда, отметить, что в Германии, Франции и других западноевро-

пейских странах это законодательство было плодом деятельности левых политических сил, а их целью было сохранение памяти пострадавших социальных групп и памяти о преступлениях собственного государства. Российский вариант (как и мемориальные законы в Польше и некоторых других Центрально- и Восточно-Европейских странах) поддержан прогосударственными правыми политиками, которые стремятся создать и защитить героический национальный нарратив и законом запретить любое сомнение в исторической правоте собственного государства.

Историки, как правило, выступают против такого законодательства, опасаясь, что любое ограничение в исследовании прошлого грозит их профессиональной деятельности; во Франции влиятельный комитет в защиту истории добился того, что в этой стране прекратили принимать новые мемориальные законы.

Организация российских историков, Вольное историческое общество, выступила с протестом против принятия такого закона, указав на недостатки самой идеи подобного законодательства, а также выбора слов в его тексте.

Словом, мемориальный закон представляет собой попытку запрета на постановку некоторых исторических вопросов. Если мы вернемся к метафоре истории как диалога, то это попытка влиять на историю с помощью запрета задавать вопросы, с одной стороны, поскольку часть проблематики прошлого вообще выводится из области

Статья в УК включает в состав преступления «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Включение понятия «заведомо ложные сведения» по отношению к знанию о прошлом требует либо установления «официальной трактовки» всех событий войны, отход от которой будет криминализирован, либо создает основу для произвольного правоприменения. Историческая наука представляет собой поиск истины, неотъемлемый от постановки острых исследовательских вопросов. Теперь историки имеют основание опасаться, что такой поиск может быть произвольно объявлен «распространением заведомо ложных фактов», а обнаружение новых исторических источников — «искусственным созданием доказательств обвинения».*

Из «Обращения членов Вольного исторического общества к Президенту, Совету Федерации, Государственной Думе Российской Федерации в связи с принятием федерального закона № 197582-5 "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации..."», 28.04.2014

* Текст обращения см. на сайте Вольного исторического общества: <http://volistob.ru/statements/obrashchenie-chlenov-volnogo-istoricheskogo-obshchestva-k-prezidentu-sovetu-federacii>.

исторического вопрошания, а с другой стороны, это попытка запретить искать ответы, если понимать «искусственное создание доказательств» как запрет копаться в «опасных» источниках.

В последние годы мы наблюдаем, как на поле борьбы за контроль над историей появились группы и отдельные активисты, опирающиеся на свою семейную память и начинающие предъявлять ее в публичном пространстве как «настоящую историю». В России это наиболее ярко выразилось в манифестациях «Бессмертного полка», — когда в День Победы миллионы людей выходят на улицы с портретами своих дедов и прадедов, участвовавших в Великой Отечественной войне, — или в деле Дениса Карагодина, томского активиста, самостоятельно расследующего дело о расстреле своего деда в 1938 году и требующего от государства юридической оценки этого расстрела как уголовного преступления¹. В каждом из этих случаев государство пытается восстановить собственный контроль, включив, например, «Бессмертный полк» в разряд патриотических мероприятий, однако сама низовая общественная инициатива создает нарратив, не совпадающий с тем, что предлагают политики.

Историки участвуют в этих спорах на разных сторонах, однако можно сказать, что их профессиональное сообщество также претендует на контроль над историческим нарративом. Об этом мы поговорим немного ниже.

■ См. блог:
[Карагодина Д.]
Расследование в
отношении судьбы
Карагодина
Степана Ивановича
(<http://blog.stepanivanovichkaraodin.org>).

Исторический ландшафт современной России

В стабильные времена, когда долго не меняются доминирующие интерпретации мира, памятники становятся частью городского пейзажа, архитектурными приметами пространства. Если интерпретации не меняются в течение жизни нескольких поколений, то значительная часть памятников начинает играть роль напоминания о событиях и людях, актуальность которых больше не ощущается обществом. Это, вслед за П. Рикёром, можно назвать «навязанной памятью»¹, в которой доминирующая группа определяет, что надо помнить, а о чем обществу лучше забыть.

Но периодически в ткани исторической реальности случаются разрывы. Революционные эпохи меняют интерпретации и оценки. Что происходит в эти периоды с пространством символов? В зависимости от радикализма новых идей новая элита либо сносит старые памятники и ставит свои (как вариант – восстанавливает памятники, снесенные в предыдущем цикле), либо устанавливает собственные памятники рядом со старыми.

Мы знаем, как радикально в ходе революции 1917 года были сменены памятники, установленные «старым режимом», на памятники революционерам, как прошлым, так и новым². Совсем недавно мы были свидетелями «ленинопада» в соседней Украине, ставшего важным элементом тамошних революционных событий. Другим примером может послужить мемориальный храм Христа Спасителя, взорванный в 1931 году и восстановленный в 1990-е годы. Эти действия противоречили политическим взглядам и идейным установкам многих историков, но они отвечали распространенному взгляду на историю как на средство создания и укрепления нации, как на нечто, принадлежащее если не государю, то государству.

Однако в нашей стране ситуация выглядит по-другому. Россия испытала большое социальное потрясение в период, когда представления об истории уже претерпели кардинальное изменение, и это наложило отпечаток на ее современный «исторический ландшафт». Распад СССР и крах коммунистической идеологии произошел в то время, когда право на собственную историю

уже продекларировали многие социальные группы. И хотя новые методы и структуры исторической науки не сразу проникли на постсоветское пространство, они никак не могли вписаться в задачу создания единой и правильной новой истории.

Оспариваемая память

История очевидным образом пропитывает всю российскую современность. Главным событием, до сих пор сближающим людей и составляющим «клей», скрепляющий общество, остается Великая Отечественная война, память о которой поддерживается и властью — как «миф основания» государства, — и семейными историями, чему примером упомянутое выше движение «Бессмертный полк». **131** Постоянно отсылают к истории речи российских политиков. Однако это доминирование истории обманчиво: вся история сегодня подвергается сомнению, и российское общество одновременно поддерживает несколько несовместимых нарративов собственного прошлого. Эта ситуация хорошо заметна при взгляде на современную практику коммеморации — установку и снос памятников, наименование и переименование улиц, размещение памятных досок и прочих способов увековечить прошлое, а также на результаты перекраивания сетки государственных праздников.

Начнем с того, что мемориализация мифа о войне наталкивается на объективное препятствие: по поводу Великой Отечественной она проведена еще в брежнев-

■ См.: Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

■ В апреле 1918 года декретом Совета народных комиссаров «О памятниках республики» был предписан снос старых и установка новых памятников, а в июле того же года СНК утвердил список из 66 людей, которым надлежало установить памятники.

скую эпоху; нельзя дважды поставить памятник¹, как нельзя дважды присвоить звание «города-героя»². Говоря о войне, государство ставило памятники П. А. Столыпину и князю Владимиру, смещая фокус собственной исторической легитимизации. В этом контексте борьба российских активистов «исторической политики» против сноса и перемещения военных мемориалов в соседних странах (таллиннский «Бронзовый солдат», памятник в Кутаиси и пр.) выглядела как альтернатива созданию новых памятников в России.

Мы видим глубокий разрыв между столицей и провинцией. Скажем, в Москве в начале 1990-х было снесено большинство советских памятников деятелям революции и Гражданской войны. Ленина, Калинина, Дзержинского можно увидеть теперь (за несколькими исключениями) только на окраинах города и в парке скульптур «Музеон» около Центрального дома художника. В большинстве других городов страны памятники Ленину, Дзержинскому и прочим советским героям остаются в неприкосновенности, занимая почетные места в городской среде.

Судьба снесенных памятников тоже остается неясной. Несколько раз в Государственной Думе и московском руководстве заходила речь о возвращении на Лубянскую площадь памятника Ф. Э. Дзержинскому. В некоторых регионах местные власти и политики от КПРФ устанавливают заново памятники Ленину и даже Сталину, а в Орле осенью 2016 года воздвигли первый в российской истории памятник Ивану Грозному. В Петербурге при поддержке и участии членов российского правительства была установлена (а потом демонтирована и перенесена в защищенное место) памятная доска маршалу Маннергейму, не только служившему в императорской армии, но и, в качестве главнокомандующего армией Финляндии, участвовавшему в блокаде Ленинграда.

Одновременно в стране с успехом развивается программа «Последний адрес» — проект активистов, устанавливающих таблички с именами жертв репрессий на дома, откуда они были увезены в день ареста. Коммеморация Сталина и его жертв происходит в одно и то же время усилиями разных частей российского общества.

Таким образом, если у Пьера Нора «места памяти» означают скорее бесспорные референтные точки, задающие историческую картину мира, то в России практически вся память оспаривается.

Всего, 4 е...

3 Современная историческая наука

Давайте теперь поговорим об исторической науке — насколько она страдает от бурных штормов в историческом сознании общества?

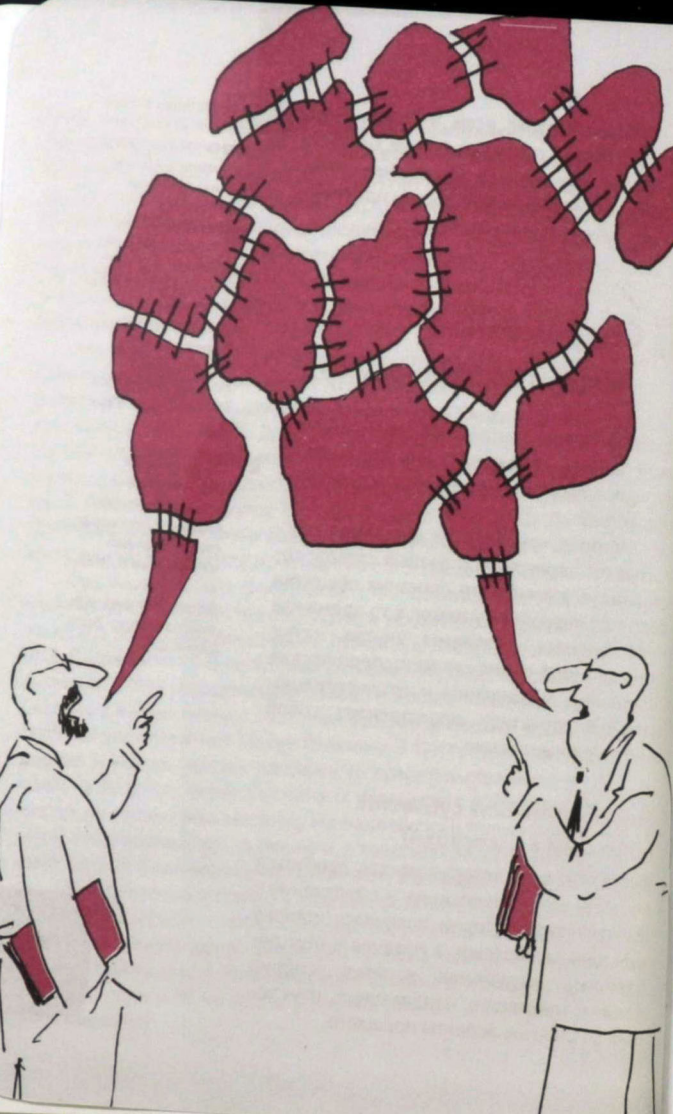
История как научная дисциплина испытывает перегрузки с разных сторон: состояние исторического сознания общества является внешним вызовом, в то время как накопившиеся проблемы внутри науки, ставящие под сомнение методологические основания дисциплины и ее институциональную структуру, представляют собой внутреннее давление.

Множественность субъектов («История в осколках»)

Уже в XIX веке история начала дробиться по предмету исследования: в дополнение к политической истории появилась история культуры, экономики, а позднее к ним добавились социальная история, история идей и множество направлений, изучающих различные аспекты прошлого.

Показателем в этом смысле Волгоград: здесь так густо стоят памятники героям Сталинградской битвы, что в последние 20 лет основные коммеморативные решения были альтернативными: ставились памятники Петру I, Пушкину, казаку, учительнице, основателю города Григорию Засекину и др.

Обновленный вариант звания — «город воинской славы» — присваивается достойным населенным пунктам, роль которых в Великой Отечественной, однако, не была ключевой.

Постепенно к этому делению историков добавилось размежевание по методам исследования прошлого: помимо традиционных методов работы с письменными архивными документами сформировалась, в частности, уже упоминавшиеся клиометрия¹ и устная история **107, 115**.

Наконец, самым неуправляемым процессом стало дробление истории по субъекту исторического вопрошания. Можно сказать, что процесс дробления истории подталкивает описанная выше политика идентичности. В России фрагментация истории по социальным и гендерным группам происходила медленнее, чем по этническим и региональным вариантам.

Вкупе с дроблением используемой историками методологии эта ситуация привела к фрагментации не только исторического сознания в целом, но и поля самой исторической науки, которая к концу века представляла собой, по выражению московского историка М. Бойцова (в нашумевшей в профессиональной среде в 1990-е годы статье), груды «осколков»². Историки пришли к констатации невозможности единства не только исторического нарратива, но и исторической науки.

Читатель уже понял, конечно, что представление о возможности единственно верного исторического нарратива, единственно правильной и окончательной версии истории противоположно современному взгляду на суть истории. Часто можно услышать обращенные к историкам вопросы: ну а как же было на самом деле,

Расцвет клиометрии пришелся на 1960–70-е годы. Опубликованная в 1974 году книга «Время на кресте: экономика американского негритянского рабства» Стэнли Энгермана и Роберта Фогеля (*Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. Boston-Toronto: Little, Brown, and Company, 1974*) стала причиной ожесточенных споров (выводы об экономической эффективности рабства на Юге США были восприняты частью критиков как оправдание рабовладения) и показала возможности клиометрии. В 1993 году один из авторов книги Роберт Фогель был удостоен Нобелевской премии по экономике, в том числе за это исследование.

Бойцов М. А. Вперед к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. М.: РГТУ, 1999. С. 17–41.

какова же правда? Ведь если один историк пишет о каком-то событии так, а другой — по-другому, то значит, кто-то из них ошибается? Могут ли они прийти к компромиссу и понять, как было «на самом деле»? Запрос на такой рассказ о прошлом в обществе существует (из таких ожиданий растет, наверное, и недавняя попытка популярного писателя Бориса Акунина стать «новым Карамзиным», и, в какой-то мере, споры о «едином учебнике» истории). Общество как бы требует от историков договориться, наконец, написать единый учебник, в котором будет изложена «вся правда».

В истории и впрямь есть такие проблемы, в понимании которых можно найти компромисс, но есть и такие, в которых это невозможно: это, как правило, история, рассказанная «разными голосами», связанная с идентичностью той или иной социальной группы. История авторитарного государства и история жертв какого-нибудь «великого поворота» вряд ли создадут когда-нибудь «компромиссный вариант». Анализ интересов государства поможет понять, почему принимались те или другие решения, и это будет логичное объяснение. Но его логика никак не «сбалансирует» историю тех людей, кто в результате этих решений потерял состояние, здоровье, а иногда жизнь, — и эта история тоже будет правдой о прошлом. Эти два взгляда на историю можно изложить в разных главах одного и того же учебника, но таких точек зрения гораздо больше, чем две: трудно бывает, например, примирить историю разных регионов в большой многонациональной стране. Более того, прошлое предоставляет историкам возможность создания множества нарративов, и носители разных систем ценностей (так же как разные социальные группы) могут написать собственный «учебник истории», в котором смогут описать историю с точки зрения национализма или интернационализма, государственничества или анархии, либерализма или традиционализма. Каждая из таких историй будет внутренне непротиворечива (хотя, вероятно, в каждом таком рассказе будет присутствовать умолчание о каких-то сторонах прошлого, важных для других авторов).

Единый и непротиворечивый рассказ об истории, объединяющий все точки зрения, создать, по-видимому, невозможно — и это одна из важнейших аксиом исторической науки. Если на «единстве истории» историки поставили крест уже довольно давно, то осознание имманентной противоречивости истории как текста — явление относительно новое. Оно связано с упомянутым выше исчезновением зазора между настоящим и недавним прошлым, с вмешательством памяти в процесс исторической рефлексии современного общества.

Перед современными историками встает проблема с этим множеством нарративов, множеством рассказов о прошлом, которые произведены разными социальными группами, разными регионами, идеологами и государствами. Некоторые из этих нарративов конфронтационны и в потенции несут в себе зародыш социальных конфликтов, но выбор между ними приходится делать не на основании их научности, а на основании этических принципов, тем самым устанавливая новую связь между историей и моралью **48–55**. Одна из новейших задач исторической науки — работать на «швах» между этими нарративами. Современное представление об истории в целом похоже скорее не на некий единый поток, а на сшитое из разных лоскутов одеяло. Мы обречены жить одновременно с разными интерпретациями и уметь налаживать разговор об общем прошлом, сохраняя разногласия или, скорее, многоголосицу.

Исторические источники

Любой историк согласится с тезисом, сформулированным еще позитивистами, что опора на источники – главная черта исторической науки. Это остается верным для современных историков в такой же степени, как это было для Ланглуа и Сеньобоса. **79** Именно методам поиска и обработки источников учат студентов на исторических факультетах. Однако за сто с небольшим лет содержание этого понятия изменилось, а основной профессиональной практике ученых-историков был брошен вызов .

Чтобы понять разницу в отношении к источникам исторической науки и предшествующей ей практики, надо напомнить, что то, что мы называем фальсификацией документов, было нередким явлением в Средние века и совершенно не осуждалось. Вся культура была выстроена на уважении к авторитету, и если авторитету приписывалось что-то, им не сказанное, но безусловно благое, то оснований подвергать это сомнению не было. Таким образом, главным критерием истинности документа было благо, которое этот документ обеспечивал.

Впервые доказавший подлог «правильного документа» Лоренцо Валла не решился опубликовать свое «Размышление о вымышленном и ложном дарении Константина» – работа увидела свет лишь спустя полвека после смерти автора, когда в Европе уже началась Реформация.

На протяжении нескольких веков историки вырабатывали все более тонкие способы определения истинности документа, его авторства, датировки, чтобы исключить использование фальшивок в своей работе.

«Прошрое», как мы выяснили, проблематичное понятие, но тексты источников реальны, их можно буквально потрогать руками, перечитать, проверить логику предшественников. Вопросы, формулируемые историками, адресованы именно этим источникам. Первыми источниками были живые люди со своими рассказами, и этот вид источников (ограниченный временем и пространством) и по сей день важен при работе с недавней и

современной историей: проекты «устной истории» XX века принесли весомые результаты.

Следующим видом источников стали официальные документы, остающиеся от повседневной деятельности разного рода бюрократии, включая законодательство и международные договоры, но также и многочисленные регистрационные бумаги. Леопольд фон Ранке предпочитал дипломатические документы из государственных архивов другим видам документов. Статистика — государственная и коммерческая — позволяет применять количественные методы в анализе прошлого. Личные воспоминания и мемуары традиционно привлекают читателей и так же традиционно считаются весьма недостоверными: мемуаристы по понятным причинам рассказывают нужную им версию событий. Тем не менее при учете заинтересованности автора и после сравнения с другими источниками эти тексты могут многое дать для понимания событий, мотивов поведения и деталей прошлого. Материалы периодической печати с момента ее появления стали использоваться историками: никакой другой источник не позволяет так понять синхронность разных событий, от политики и экономики до культуры и локальных новостей, как страницы газет. Наконец, школа «Анналов» доказала, что источником для историка может стать любой объект, несущий на себе следы человеческого воздействия; не останутся в стороне сад или парк, разбитые по определенному плану, или выведенные человеком сорта расте-

Источники — это документы, данные языка и общественные институты, но также и материальные остатки, вещи и даже природа, в которую вмешивался человек (например, парки, водохранилища и т. п.) — то есть все то, на чем лежит отпечаток человеческой деятельности, исследование чего может помочь восстановить действия и мысли людей, формы общественного взаимодействия и другую социальную реальность прошлых эпох. Нелишне повторить, что источниками они становятся лишь в момент обращения к ним историка за информацией о прошлом.

В современной гуманитарной науке все чаще используют слово «тексты» для обозначения примерно того же понятия, но историки предпочитают говорить об «исторических источниках».

ний и породы животных. Накопление значительных объемов информации и развитие математических методов ее обработки обещает большие прорывы в исследованиях прошлого с началом использования историками инструментов обработки *Big Data*.

Однако важно понимать, что сами по себе, до момента попадания в поле интереса историка, текст, информация или материальный объект источниками не являются. Только вопрос, заданный историком, делает их таковыми.

В последней трети XX века, однако, этой практике был брошен вызов. Постулировав недоступность прошлого, постмодернисты свели работу историков к преобразованию одних текстов в другие. И в этой ситуации вопрос об истинности того или иного текста отошел на второй план. Гораздо большее значение стало придаваться проблеме, какую роль текст играет в культуре и обществе. «Константинов дар» определял государственно-политические отношения в Европе на протяжении многих веков и был разоблачен лишь тогда, когда уже потерял свое реальное влияние. Так какая разница, был ли он фальшивкой?

Профессиональная практика историков вступила в противоречие и с инструментальным подходом к истории, распространяющемся в обществе: если за прошлым не признается самостоятельной ценности и прошлое должно работать на настоящее, то источники не важны. Показателен конфликт, разыгравшийся летом 2015 года между директором Государственного архива РФ Сергеем Мироненко, предъявившим документальные свидетельства сочиненности «подвига 28 панфиловцев» в битве за Москву 1941 года, и министром культуры РФ Владимиром Мединским, защитившим «правильный миф» от его проверки источниками.

По сути дела, политики не только высказывают свои претензии контролировать историю, но и отрицают право историков на экспертное суждение о прошлом, уравнивая профессиональное знание, основанное на документах, с «массовым сознанием», основанным на мифах. Конфликт архивиста с министром можно было бы отнести к курьезам, если бы он не укладывался в логику развития исторического сознания современного общества, приведшую к доминированию презентизма.

Любое историческое событие, завершившись, становится мифом — положительным или отрицательным. Это же можно отнести и к историческим личностям. Наши руководители госархивов должны вести свои исследования, но жизнь такова, что люди оперируют не архивными справками, а мифами. Справки могут эти мифы упрочить, разрушить, перевернуть с ног на голову. Ну а общественное массовое сознание всегда оперирует мифами, в том числе и в отношении истории, поэтому относиться к этому нужно трепетно, бережно, осмотрительно.

Владимир Мединский

Так, расставшись с позитивизмом, мы вдруг оказались перед лицом нового средневековья, в котором «благая цель» оправдывает фальсификацию источников (или пристрастный их отбор).

Законы истории

В конце XIX века спор о научности истории сосредоточился на ее способности открыть законы человеческого развития. На протяжении XX века эволюционировало само понятие науки. Сегодня науку часто определяют как «область человеческой деятельности, направленную на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности» или же как «описание с помощью понятий». В эти определения история, безусловно, вписывается. Помимо этого, в разных науках используется исторический метод или исторический подход к явлениям. Наконец, надо понимать, что это разговор о соотношении понятий, выработанных самой европейской цивилизацией, и эти понятия историчны, т. е. меняются со временем.

И все же — существуют ли исторические законы, «законы истории»? Если говорить о закономерностях развития общества, то этот вопрос надо, очевидно, переадресовать социологии, которая изучает законы развития человечества. Законы развития человеческих обществ, безусловно, существуют. Некоторые из них носят статистический характер, некоторые позволяют увидеть причинно-следственные связи в повторяющейся последовательности исторических событий. Именно такого рода законы чаще всего объявляются сторонниками статуса истории как «строгой науки» «законами истории».

Однако эти «законы истории» чаще всего разрабатывались («открывались») не историками, а учеными, занимавшимися смежными науками об обществе, — социологами и экономистами. Более того, многие исследователи выделяют отдельную область знания — макросоциологию и историческую социологию, которые считают «своими» классиками таких ученых, как Карл Маркс (экономист) и Макс Вебер (социолог), Иммануил Валлер-

стайн и Рэндалл Коллинз (макросоциологи), Перри Андерсон и даже Фернан Бродель (лишь последнего из списка историки также считают своим классиком). Кроме того, сами историки очень редко в своих трудах предлагают формулы законов истории или каким-то образом на такие законы ссылаются. Вместе с тем вопросы, поставленные в рамках макросоциологических, а также экономических, политологических, филологических и прочих общественно-научных и гуманитарных дисциплин, историки с большим удовольствием задают прошлому, перенося таким образом теории смежных наук на материал прошлого.

Проще говорить об исторических открытиях. Открытия в истории бывают двух типов: открытие новых источников, архивов, мемуаров либо постановка новой проблемы, вопроса, подхода, превращающих в источники то, что раньше источниками не считалось либо позволяющих в старых источниках найти новое. Таким образом, открытием в истории может быть не только обнаруженная при раскопках берестяная грамота, но и по-новому поставленный исследовательский вопрос.

Остановимся на этом моменте немного подробнее. Со времен школы «Анналов» историки начинают свою работу с постановки исследовательского вопроса – это требование представляется сегодня общим для всех наук. В практике исторического исследования, однако, постоянно происходит многократное уточнение и переформулировка вопроса в процессе работы над ним.

Сначала я заинтересуюсь проблемой и начинаю читать о ней. Это чтение заставляет меня переопределить проблему. Переопределение проблемы заставляет меня сменить направление моего чтения. Новое чтение, в свою очередь, меняет формулировку проблемы еще сильнее и еще дальше меняет направление того, что я читаю. Так я продолжаю двигаться туда и обратно, пока не почувствую, что все в порядке, — в этот момент я записываю, что у меня получилось, и отправляю в издательство.*

Уильям Макнил

Цит. по: *Goddis J. L. The Landscape of History: How Historians Map the Past. New York: Oxford University Press, 2002. P. 48.*

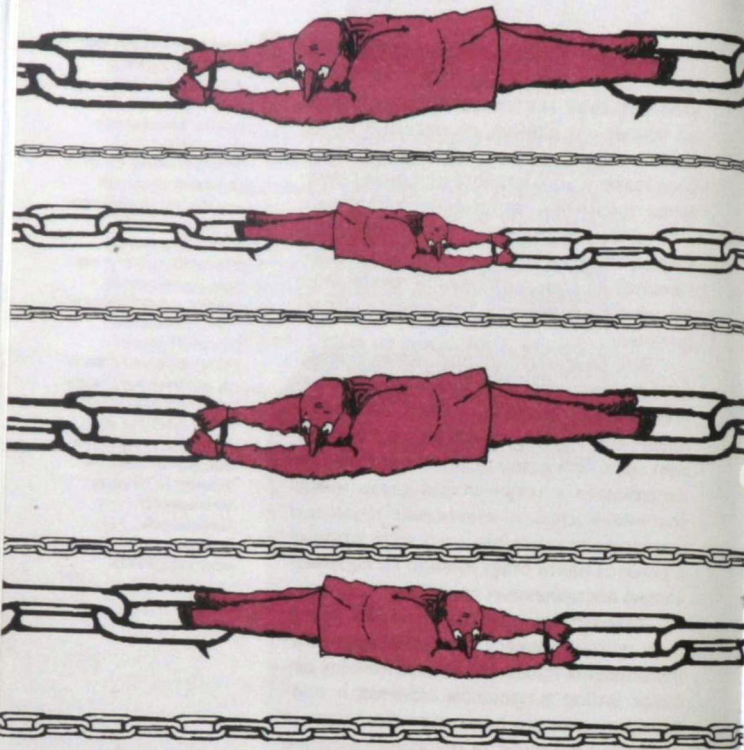
 Уильям Макнил (1917–2016) — американский историк, автор многих работ в области транснациональной истории. На русский язык переведены: *Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества.* М.: Старклайт, 2004; *Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках.* М.: Территория будущего, 2008.

Историк в соответствии с моделью герменевтического круга постоянно уточняет свой исследовательский вопрос на основании данных, получаемых им из источников. Итоговая формулировка исследовательского вопроса историка становится формулой отношения настоящего к прошлому, установленной ученым. Получается, что исследовательский вопрос сам является не только отправной точкой, но и одним из важнейших результатов исследования.

Это описание хорошо иллюстрирует представление об истории как науке о взаимодействии современности с прошлым: правильно поставленный вопрос определяет «разность потенциалов», поддерживая напряжение и устанавливая связь между современностью и изучаемым периодом (в отличие от тех социальных наук, которые стремятся найти ответ именно на первоначально поставленный вопрос).

Примерами законов истории могут быть повторяющиеся закономерности использования прошлого в современных дебатах (отбор в прошлом сюжетов и проблем, помогающих в решении сегодняшних задач или в борьбе за групповое видение будущего; ограничения такого отбора, влияние научных трудов и публицистики на формирование исторического сознания общества), а также способы постановки задач и получения исторических знаний.

Герменевтический круг
описал Г.-Г. Гадамер
«Понять нечто можно
лишь благодаря
заранее имеющимся
относительно него
предположениям, а не
когда оно предстоит
нам как что-то абсолют-
но загадочное. То
обстоятельство, что
антиципации могут ока-
заться источником
ошибок в толковании и
что предрассудки,
способствующие
пониманию, могут вести
и к непониманию, лишь
указание на конечность
такого существа, как
человек, и проявление
этой его конечности»
(Гадамер Г.-Г. О круге
понимания // Актуальность
прекрасного. М.:
Искусство, 1991).

ПРОШЛОЕ

БУДУЩЕЕ

4 Кто такие историки?

Если историки когда-то могли считать, что они пишут для отдаленных потомков, то сегодняшнее представление об исторической науке не оставляет им такой возможности. Читатель — потребитель исторического знания, главная аудитория историка — находится в современности. Формулируя исследовательский вопрос, историк устанавливает связь между современностью и изучаемым им обществом прошлого. Любой историк может столкнуться с тем, что его исследовательские вопросы, актуальные сегодня и интересные ему самому, не будут волновать людей уже через двадцать–сорок лет — просто потому, что устареют сами по себе. Бывают, конечно, исключения — историки, опередившие свое время и попавшие своими вопросами в болевые точки следующих поколений. Однако в своем обычном состоянии история есть часть современного диалога с прошлым, и потому писать в стол — очень опасное и непродуктивное занятие.

Чем же занимаются историки, и чем их работа отличается от постоянного использования истории представителями других профессий? Технически ответ прост: «ремесло» историка уже на протяжении нескольких поколений состоит из нескольких этапов, от формулировки (и переформулировки) вопроса (исследовательской задачи) через поиск и критику источников к их анализу и созданию итогового текста (статьи, монографии, диссертации). Однако из того, что мы узнали про историю, становится понятно, что

такой ответ будет неполным – он не прояснит для нас содержание и цели этой работы.

Существуют два традиционных ответа о роли историка.

Согласно первому, историк – мудрый беспристрастный «Нестор-летописец», ученый в башне из слоновой кости, человек, который «без гнева и пристрастия» занимается описанием прошлого (тут надо уточнить, что летописцы описывали как раз не столько прошлое, сколько собственную современность или совсем недавнее для них прошлое).

Второй, тоже уже традиционный взгляд на историка, – это появившееся в XIX веке представление о том, что историк – идеолог создания нации, идеолог «нациестроительства». Историк – проводник «политики идентичности», тот, кто помогает нации осознать себя, раскопать свои корни, показать сообществу людей то, что их объединяет, и, таким образом, создать, укрепить нацию. Оба эти представления продолжают существовать в обществе, да и многие историки примеряют их на себя и даже пытаются соответствовать тому или иному подходу.

Тем не менее современный взгляд на место историка в современном обществе требует значительных дополнений.

Чего ожидают от историка сегодня?

Историки – это профессионалы диалога современности с прошлым, разбирающиеся в его правилах и ограничениях. То, что изучение истории требует специальной квалификации, не всегда очевидно, но это так: не любой вопрос прошлому можно задать, не любое объяснение исторических событий можно подтвердить источниками. Результаты их работы проверяемы и общественно значимы. Таким образом, историки выполняют очень важную общественную функцию диалога современности с прошлым.

В начале XXI века представление об истории изменилось. История все больше начинает пониматься не как наука о прошлом, или о поведении людей в прошлом, или же о прошлой социальной реальности, а как наука о взаимодействии людей со

временем, прошлым и будущим, с изменениями социального порядка. Так, изменение взглядов на историю и общественного запроса к историкам меняет представление о деятельности историков и об объекте истории как науки — теперь это не прошлое «само по себе», а использование этого прошлого в современности и для манипулирования будущим.

Конечно, историк шумерской цивилизации может не ощущать прямой связи своей работы с окружающей социальной действительностью — она влияет на него опосредованно, через этос и меняющиеся подходы исторической науки. Историк ведь социализируется не просто в обществе, а и в профессии, и его личная современность включает опыт, накопленный поколениями предшественников, корпус текстов исторической науки. Именно поэтому вопросы к прошлому, сформулированные историками, вбирают в себя результаты предшествующей историографии — история представляет собой кумулятивное знание. Известное нам прошлое задает форму и налагает ограничения на новые вопросы к себе. Иными словами, для того чтобы правильно сформулировать вопрос, надо знать добрую половину ответа на него.

Классический историк, «открывающий прошлое» в архивном документе, по-прежнему занимается исторической наукой, однако изменилось понимание обществом цели этого процесса: теперь от историка ожидают нового рассказа о прошлом, нового нарратива, способного по-

влиять на современность. Если он не напишет такой рассказ сам, сосредоточившись на изучении «того, что было на самом деле», то он, очевидно, создаст материал для своих коллег, но пока кто-то из них не использует этот материал в коммуникации с обществом, миссия историка до конца не осуществлена.

Если в прошлом веке история заканчивалась на благо-разумном расстоянии от современности, историки отказывались принимать участие в разговоре о недавних событиях, а уже цитировавшийся афоризм Бенедетто Кроче о том, что «всякая история современна» **94–95**, означал лишь актуальность изучаемых историками вопросов, то теперь общество ожидает от истории внимания прежде всего к такому прошлому, которое еще «не вполне закончилось» и влияет на сегодняшний день. История теперь считается полноправной частью современности. Профессиональное выстраивание дистанции между настоящим и прошлым входит в противоречие с запросом на современную историю.

Именно поэтому среди новых задач истории появляется «сшивание противоречащих нарративов», поэтому «места памяти» занимают в представлении об истории более важное место, чем архивы, поэтому растет новая область «публичной истории», в силу этого историкам все чаще приходится вступать в споры с политиками и бизнесом и все более важным становится их присутствие в общественных дебатах о сегодняшнем дне.

Другими словами, в современной ситуации — в обществе торжествующего презентизма — историки по необходимости становятся профессионалами и в вопросе о том, как современность справляется с наличием в ней прошлого. Это относится и к урегулированию конфликтов, тянущихся из прошлого, и к менеджменту исторических травм, и к меняющемуся отношению современных поколений к историческому наследию.

Важность исторических нарративов

Настоящая цель истории — помочь обществу что-то понять о себе. Роль историков в этом контексте не может сводиться к вну-

трицеховому развитию, — замыкаясь от общества, они теряют смысл существования своей науки.

Многие историки, отождествляющие себя с «новой исторической наукой», 103 свысока относятся к историческим нарративам. Однако современная историческая наука понимает, что история существует в изложении историка, что это изложение приобретает характер литературного текста — и во многих случаях это в большой степени нарративный текст. «Нарративы превращают прошлое в историю, — утверждает немецкий историк Йорн Рюзен, — нарративы создают то поле, в котором история живет культурной жизнью в умах людей, рассказывая им, кто они такие и как они и их мир меняются во времени»¹. Более того, в преподавании истории трудно обойтись без того или иного учебника, также представляющего собой нарративный рассказ о событиях прошлого.

Именно исторические нарративы (как правило, политические, но тут есть исключения) требуются политикам — «строителям нации» — или любой другой общности; именно связного рассказа о прошлом требует от историков читатель исторической литературы. В целом, можно сказать, что обществу нужен от историков именно нарратив, основанный на источниках и новых вопросах к прошлому.

Вполне вероятно, что растущая популярность конспирологических текстов как «популярных текстов по истории» связана с тем, что ученые отказались от рассказов об

Rusen J. History: Narration – Interpretation – Orientation. New York: Berghahn Books, 2005. P. 2.

истории как о едином процессе, ведущем нас из прошлого в будущее.

Из этого следует, что составление связного рассказа о прошлом не должно выпадать из профессиональных компетенций историков. Ограничивая себя работой в архиве и ответами на исследовательские вопросы, историки как цех и профессиональное сообщество рискуют потерять аудиторию и утратить важную функцию профессиональных посредников между современностью и прошлым¹.

Где искать историков?

Институциональная принадлежность историков тоже оказывается важной, она добавляет к собственной идентичности историка его связи с сообществом или организацией. Большинство историков-исследователей преподают в университетах, значительная часть работает в исследовательских центрах (в России — в структурах академии наук), часть — в архивах и музеях.

Как правило, историки также принадлежат к профессиональным организациям, объединенным по принципу общей тематики, периода или метода исследования. Кроме того, существуют и национальные организации историков, выступающие зачастую как защитники профессиональных претензий ученых на монополию толкования прошлого от посягательства государства и других групп. Форумы таких организаций становятся иногда пространством для обсуждения наиболее важных проблем профессии — от методологии до положения историков в обществе.

В течение последних лет в России были создано три общества, в той или иной степени заявляющие о себе как о национальной организации историков. Летом 2012 года было создано Российское историческое общество (официальные документы настаивают на формулировке «воссоздано», так как РИО претендует на преемственность по отношению к существовавшему до революции 1917 года Императорскому РИО). Следующей зимой в России появилось Военно-историческое общество. Если руководство РИО оказалось составлено из политиков

первого эшелона (председателем был избран тогдашний спикер Государственной Думы РФ Сергей Нарышкин), то РВИО оказалось под руководством менее влиятельного, но более активного в публичной сфере министра культуры Владимира Мединского. В руководстве обоих этих обществ представлены «генералы» от истории, но доминируют там люди, не имеющие отношения к науке, — политические деятели.

Частично поэтому в конце зимы 2014 года ряд независимых историков создали Вольное историческое общество, которое с тех пор выступает выразителем мнения заметной части профессионального сообщества по поводу проявлений исторической политики и попыток неаккуратного «использования истории».

■ Разумеется, речь тут не о личном выборе каждого ученого, а о сообществе историков, в котором должно быть место как для кабинетных ученых, предпочитающих архивные штудии, так и для тех, кто умеет донести результаты работы — собственной и коллег — до аудитории за пределами профессионального цеха.

заключение

Будущее истории, или Настоящее в прошлом

В заключение попробуем вернуться ко всем важным контекстам понятия «история».

Три значения этого слова — развитие человечества во времени, конкретное событие и описание (исследование) развития человечества или события — являются разными ипостасями одного и того же понятия. История существует только в ответах прошлого на вопросы настоящего — то есть в содержании исторического исследования; его результат представляет собой связный рассказ о событиях или о структурах прошлого, объединенных логикой историка.

Определения истории как науки о прошлом, науки о действиях людей в прошлом или «науки о прошлой социальной реальности» имели смысл в недавнюю эпоху — именно так воспринимали историю люди предыдущих поколений, и именно этого (научности и знания о прошлом) требовали от истории. Современное понимание истории несколько сместило фокус. История является и наукой, и полем взаимодействия современного общества со своим прошлым и будущим, в котором прошлое постоянно вопрошается и переосмысливается, а будущее постоянно конструируется исходя из вопросов современности и получаемых у прошлого ответов.

До недавних пор историю можно было определить как процесс постоянного диалога современного общества с овеществленными остатками и текстами прошлого с целью поддержания дистанции с прошлым и конструирования будущего; именно поэтому она держится на осознании постоянного напряжения и различия между современным обществом и обществами про-

шлого. В то же время это различие означает и осознание отличия будущего, дающее возможность на это будущее повлиять. Таким образом, это наиболее распространенное среди историков представление исходит из того, что в истории настоящее — источник вопросов, прошлое — источник ответов, будущее — цель и результат диалога. Однако в последнее время этому представлению брошен вызов. Презентизм описывает ситуацию в начале XXI века как время, подчиненное сегодняшнему дню: целью диалога является не будущее, а настоящее, которое одновременно пытается контролировать ответы прошлого; в прошлом при этом резко вырастает значение недавнего периода, который оказывается склеенным с настоящим, — настоящее теперь лишь последний момент этого «недавнего прошлого» (*instant past*).

В соответствии с этим подходом прошлое является частью настоящего, заданная прошлым «система координат» — язык, ценности, представления о мире — и созданная в прошлом материальная цивилизация формируют это настоящее.

История нужна, чтобы вычленив в настоящем прошлое — и противопоставить их друг другу. Только так можно высвободить настоящее как место решений, только это создаст «разность потенциалов», помогающую двигаться в будущее. Эту функцию выполняют все формы исторического сознания, но профессиональная историческая наука способна еще к рефлексии над этим процессом. Настоящее меняется по-

Презентизм: прошлое является частью настоящего, оно состоит из источников, с которыми работают историки, и «мест памяти», присутствующих в национальной мифологии, культуре, образовательной традиции, семейных воспоминаниях. Историки работают (по традиции) с источниками, но в последние годы начинают также работать и с «местами памяти», и в целом на «границе» прошлого, пытаюсь удержать его отличие от настоящего.

стоянно, и изменить его может принятие решения либо же переопределение прошлого — материала, из которого сделано настоящее.

Мне представляется поэтому, что законами истории неправильно считать некие причинно-следственные связи между событиями прошлого — они существуют в рамках различных познавательных схем, налагаемых на прошлое современностью. Законы истории могут определять закономерности существования прошлого в настоящем и его влияние на будущее — такое их понимание открывает нам совсем другое поле.

Целью исторического исследования не является создание единого и полного рассказа обо всем, что происходило в прошлом. Цель такого исследования — создать для важных сегодня событий, фактов, идей опору в прошлом, либо показав разрыв с

традицией, либо выявив традицию, но указав на отличие сегодняшнего варианта, либо же указав на их опасность.

Метафора может быть и такой: человечество строит лестницу в небо, если не вытаскивая себя за волосы, то постоянно опираясь на собственный опыт и отталкиваясь от него, карабкается вверх по горе, создаваемой им самим, его опытом социальной, культурной, политической, экономической жизни. Часть этой «горы» состоит из «вещей», материальной цивилизации, на которых, в самом деле, можно стоять. Однако гораздо более важно накопление человечеством неовеществленного опыта, составляющего не только «скрепляющий цемент» метафорической горы, но и значительную часть самой «скальной породы». Опереться на эту скалу можно, только понимая ее присутствие, зная, что она собой представляет. Работа историка состоит в поддержании присутствия этой скалы в нашей жизни. Более того, человечество не стоит на месте, а движется, и это значит, что каждому его шагу должно сопутствовать «ощупывание» основания того места, куда надо сделать этот шаг. Замена истории мифом означает замену скальной породы миражом (с аналогичными последствиями).

Нам стоит подумать и о том, что история продолжается, и настоящее меняется от любого обращения к прошлому.

Рэй Брэдбери в одном из самых знаменитых своих рассказов моделирует путешествие во времени, где в прошлое

вносится небольшое изменение — путешественник случайно растоптал бабочку, — результатом которого становятся коренные перемены в настоящем. Обычно этот рассказ понимается как литературное доказательство невозможности путешествий во времени либо предупреждение о непредсказуемом множестве последствий любого действия. Я бы добавил еще одно прочтение этой истории. «Эффект бабочки» заключается в том, что само наше внимание к прошлому меняет настоящее. В момент, когда человек создает тот или иной рассказ о прошлом (а история для нас существует только в виде рассказа), он переформатирует сегодняшний день. Мы видим множество примеров этому в разнообразных «битвах идентичностей», когда современные социальные группы, от меньшинств до наций, формируют собственные истории и предыстории для обоснования своего существования, а в результате мы все постепенно «переселяемся» в новый мир с новой историей, которая была совсем не знакома историкам прошлого. Прошлое прошло, а значит, изменилось не оно. Изменились мы, и в связке с нами изменилось наше прошлое.

В XIX веке представлялось, что историк — ремесленник, не влияющий на содержание истории: если он достаточно квалифицирован, то из изучения документов он извлечет ровно то же, что любой его коллега. Именно поэтому в тот период накопление «исторических знаний», перенесенных из архивных документов на стра-

ницы монографий, шло такими темпами, а в написании коллективных трудов принимали участие десятки историков.

В первой половине XX века было совершено открытие: оказалось, что историк играет важную роль в историческом исследовании — от того, какой вопрос он задаст, зависит история, которая выйдет в результате его исследования. Стало ясно, что историки задают разные вопросы и таким образом влияют на историю.

Ближе к концу XX века была констатирована «смерть автора», которая не могла не распространиться и на представление о труде историка. Если индивидуальный историк как автор является лишь узлом социальной сети, пересечением множества групповых идентичностей, то и его вопросы к прошлому не являются его индивидуальным творчеством: он задает те вопросы, которые интересуют множество его современников — все те сети, «узлом» которых он является. Неважно при этом, отдает историк себе отчет в этой своей роли или представляет себя независимым от общества.

В сегодняшнем мире историки представляются людьми, способными изменить не только прошлое, но и настоящее. История влилась в поток, начатый с формулировки К. Марксом одиннадцатого тезиса о Фейербахе¹, переосмысления интеллектуальной деятельности как меняющей мир; в XIX–XX веках наука и современное искусство перешли от задач описания действительности к ее изменению; теперь и история воспринимается не как описательная деятельность, а как работа, меняющая мир.

Являются ли историки «жрецами» истории, или же доступ к диалогу с прошлым имеет любой современный человек и любая социальная группа? Мне представляется, что (поскольку постоянное обращение к прошлому является частью современного общественного сознания) роль историков не в попытке монополизации этого знания, а в анализе форм и содержания такого диалога и в установлении ограничений и правил для него.

Разные авторы по-разному представляют себе будущее истории. Кому-то представляется, что история уступила свои позиции в обществе экономике и социальным наукам, а потому

должна бороться за них, опираясь на концепцию «времени большой длительности» и проектируя будущее^[1]. Для кого-то, напротив, современность перенасыщена историей, и лучше всего было бы оставить ее историкам и строить будущее, опираясь на ценности, а не на опыт. Растет влияние исследователей «глобальной истории», утверждающих, что мировое доминирование Европы в последние несколько веков привело к упадку неевропейских форм исторического сознания, нуждающихся в реабилитации и равноправии^[2]. В любом случае современная цивилизация не способна отказать от исторического способа рассуждения о себе и выстраивания своей идентичности, а значит, история будет продолжать переосмысливаться, в настоящем будут искать следы прошлого и зародыши будущего, а в прошлом отыскивать истоки настоящего.

■ «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

■ *Guldi J., Armitage D. The History Manifesto. London: Cambridge University Press, 2014.*

■ См., например: *Иггерс Г., Янг Э. Глобальная история современной историографии. М.: Канон, 2012; Гуди Дж. Похищение истории. М.: Весь мир, 2015.*

ЧТО ЧИТАТЬ ПО ТЕМЕ?

- Ассман Алейда.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Блок Марк.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.
- Вен Поль.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история: В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003, 2006.
- Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л. А. Пименовой.* М.: РОССПЭН, 2011.
- Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи:* В 2-х т. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Тош Джон.* Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000.
- Тоштендаль Рольф.* Профессионализм историка и историческое знание. М: Новый хронограф, 2014.
- Уайт Хейден.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.

- Appleby Joyce, Hunt Lynn, Jacob Margaret.* Telling the Truth About History. New York: Norton, 1994.
- Black Jeremy.* Clio's Battles: Historiography in Practice. Bloomington: Indiana University Press, 2015.
- Foner Eric.* Who Owns History? Rethinking the Past in a Changing World. New York: Hill and Wang, 2002.
- Guldi Jo and Armitage David.* The History Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Hartog François.* Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time. New York: Columbia University Press, 2015 (nep. c ðp.).
- Hunt Lynn.* Writing History in the Global Era. New York: W.W. Norton, 2014.
- Nora Pierre.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. No. 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 7–24.
- Rouso Henry.* The Latest Catastrophe: History, the Present, the Contemporary. Transl. from French. Chicago: University of Chicago Press, 2016.
- Stern Fritz (ed.).* The Varieties of History: From Voltaire to the Present. Cleveland: The World Publishing Company, 1956.
- Winter Jay.* Remembering War: The Great War between Memory and History in the 20th Century. New Haven, CT: Yale University Press, 2006.

Благодарности

Тем, что я знаю как историк, я обязан прежде всего своим учителям. В эту книгу вошли представления об исторической науке, сформированные на лекциях Владимира Анатольевича Китаева и семинарах Игоря Олеговича Тюменцева, в ходе работы под руководством Александра Ивановича Кубышкина, Роберта Федоровича Иванова и Николая Николаевича Болховитинова.

Вниманием к политизации исторического знания в последние десятилетия я обязан дискуссиям с коллегами по международной научной сети ПОНАРС Евразия. Более широкий круг вопросов о функционировании исторической науки мы постоянно обсуждаем в Вольном историческом обществе.

Рукопись этой книги прочли и дали ценные советы, позволившие мне уточнить свои позиции, Павел Борисович Кононенко, Артемий Владимирович Магун, Ирина Максимовна Савельева и, конечно, официальные рецензенты Борис Иванович Колоницкий и Никита Павлович Соколов. Больше всего рукопись этой книги читал ее редактор Дмитрий Яковлевич Калугин — без его советов она вряд ли бы состоялась.

Всем перечисленным людям — и множеству коллег и друзей, а также студентов, с которыми мы обсуждали историю на протяжении многих лет, я весьма признателен.

Безусловно, все недостатки книги, все недостаточно доказанные положения, все провалы в эрудиции и ошибочные суждения целиком остаются на моей совести.

Иван Курилла

профессор Европейского
университета в Санкт-Петербурге,
специалист в области истории
российско-американских
отношений и бытования истории
в современном обществе.

Современный человек приучен мыслить исторически, искать свое место на «оси времени» и отличать сегодняшний день от прошлого и от будущего. Однако так было не всегда, да и по сей день само понятие «история» сохраняет свою неопределенность. Что понимали раньше и что понимают сейчас под этим словом — прошлое, рассказ о нем или исследование былого? Что такое история — наука, литература, форма общественного сознания, а может быть, просто метод? Существуют ли «законы истории»? Какие силы сошлись в борьбе за историю? Что происходит, когда история пересекается с политикой? Ответы на эти вопросы ищите в книге «История, или Прошлое в настоящем».